

18+

сказки и любви

Кира
Бородулина

Кира Бородулина

Сказки о любви. Сборник повестей

«Издательские решения»

Бородулина К.

Сказки о любви. Сборник повестей / К. Бородулина —
«Издательские решения»,

Первая любовь, любовь-утешение, неродившаяся любовь, любовь и творчество, любовь и груз прошлого. И, конечно, испытания. У семи повестей, вошедших в этот сборник, одна главная героиня, как и в зарождающемся чувстве — один смысл и одна цель: научиться любить.

Содержание

Пятнадцать дней свободы	6
Вместо предисловия	6
День 1-й	7
День 2-й	9
День 3-й	11
День 4-й	13
День 5-й	15
День 6-й	17
День 7-й	18
День 8-й	20
День 9-й	23
День 10-й	25
День 11-й	27
День 12-й	31
День 13-й	33
День 14-й	35
День 15-й	36
Сказка о любви	38
Глава 1	38
Глава 2	40
Глава 3	42
Глава 4	44
Глава 5	46
Глава 6	48
Глава 7	50
Глава 8	54
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сказки о любви Сборник повестей

Кира Бородулина

Корректор Маргарита Федина

Дизайнер обложки Кира Бородулина

© Кира Бородулина, 2026

© Кира Бородулина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-7419-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пятнадцать дней свободы

Вместо предисловия

В квартире пахнет овощами и специями — бабушка солит огурцы. От моей помощи отказалась. Не потому, что я недотёпа в свои шестнадцать лет, а потому, что в кухне не вернуться.

Читать не хочу, звонить некому — друзья в разъездах. Музыку слушать надоело. Тем не менее, это лето — самое счастливое в моей недолгой жизни. Класс не выпускной, поэтому институтские нервы ещё далеко и можно наслаждаться свободой и молодостью. В этой повести я расскажу лишь о пятнадцати днях того незабываемого лета.

Действие происходит в 2002-м году, когда сотовые телефоны были роскошью, и их архаичный дизайн потряс бы современную молодёжь. Компьютеры были не в каждом доме, а про интернет и говорить нечего. Но люди умели договариваться о встрече заранее и не забывать о ней, помнили наизусть номера домашних телефонов даже в других городах и ходили друг другу в гости без предупреждения. Делились друг с другом дисками и книгами, некоторые даже переписывали кассеты! Дивное время, особенно когда тебе шестнадцать, а в твоём распоряжении трёхкомнатная квартира и целое лето!

День 1-й

О лете я мечтала всю зиму, однако жара тридцать два в тени быстро надоела. Теперь хочется пасмурной прохлады — градусов восемнадцать-двадцать. Хорошо в такие дни гулять по городу, смешавшись с толпой, идти, никуда не торопясь. Купить бутылку колы — не потому, что хочется пить, а по привычке. Зайти в пару-тройку магазинов, поболтать о том, о сем со знакомыми, посидеть в любимом кафе. Стать частью буднего дня и слегка остывшего летнего города.

Я зашла в один из музыкальных магазинов, где продавали рок-атрибутику. Рокеры называли его «Стекляшкой». Спросила, что такое EST-13 у девушки по имени Люба, но она не знала.

— Трэш, — раздался голос за моей спиной.

Я обернулась. Длинноволосый парень в кожаной жилетке, надетой на майку с черно-белым рисунком.

— Спасибо, — отозвалась я.

— Хочешь, я тебе нарежу, у меня много разного, — продолжил он.

— А что ещё есть?

Парень начал перечислять неизвестные мне команды, комментируя стиль или направление. Много заинтересовало, да и в любом случае нарезки обходятся дешевле покупного варианта.

— Тогда давай телефон, позвоню, как будет готово. Кстати, меня зовут Рома.

Я продиктовала номер и тоже представилась. Из магазина мы вышли вместе, о чем-то болтали по пути на остановку. Уезжать так никто и не надумал. Посмеялись над этим и пошли гулять по проспекту.

Рома слушает в основном зарубежку, которая для меня ограничивается папиным мезозоем типа Deer Purple, Rainbow и Pink Floyd. Когда же я услышала «Арию» — «все во мне перевернулось», как шутит отец. Действительно — я сразу поняла, что нашла свою музыку. До того я искала ее в зарубежном поп-роке или русском роке, но благодаря «Арии» поняла, что люблю погорячее.

— Из зарубежки я пока толком ничего не слушала, но хочется исправить ситуацию, — призналась я.

— Тут я с радостью тебе помогу. У меня много всякого. Как на счет «Металлики» и «Нирваны»?

Я смутилась — даже с ними никак.

— О, сколько нам открытий чудных!

Он учится на третьем курсе биофака, летом подрабатывает охранником на складе промтоваров. Живет недалеко, поэтому частенько заходит в «Стекляшку», и его там знают. Насколько я поняла, друзей у него немного, родители работают с утра до ночи, насчет братьев и сестер не сказал.

— Лето — не самое любимое для меня время, — улыбнулся он, — вроде ждешь его, точнее, что от него останется после сессии, а потом маешься в городе и не знаешь, куда себя деть.

— А в институте с кем-нибудь общаешься? — спросила я.

— Да, там и нашёл настоящего друга. Одного, но и это много. Хотели рвануть с ним в путешествие автостопом, но он вполне традиционно укатил с семьёй на юга, поэтому я пока в гордом одиночестве.

Что ж, это кое-что объясняет. Рассказы про подготовку к путешествию автостопом слушать было дико интересно. Рома это быстро уловил и стал прямо-таки искромётным, велеречивым и остроумным.

— Не обидно, что друг так поступил? — любопытствовала я.

— Есть немного. Точнее, было. Сейчас отпустил ситуацию. Можно было и одному поехать, но у меня так лапы опустились, когда я узнал о его изменившихся планах, что даже шевелиться какое-то время не хотел. Придумаю что-нибудь. Жалко тратить лето в городе. А у тебя какие перспективы?

Я призналась, что я не совсем в городе: мы с папой почти каждый день на речке, много плаваем и, вроде, нам хватает. Уже лет пять мы никуда не ездили, но неожиданно моим от работы подарили горящие путёвки.

— Так ты одна балдеешь? — засмеялся мой спутник.

— Балдею. Сестра тоже на югах.

Расстались мы часа через два, пройдя весь проспект.

— Если тебе пока не с кем сходить на речку, буду рад составить тебе компанию, — сказал на прощанье Рома, — люблю бывать в новых местах, а в твоих краях не был ни разу.

День 2-й

Утром, пока я убиралась в квартире, позвонила Ленка — сказала, что зайдёт. Что ж, пожалуйста. Мы дружим с восьми лет, но сейчас общаемся больше по привычке. Чем старше становимся, тем меньше у нас остаётся общего. Я увлеклась тяжёлой музыкой и не менее тяжёлой литературой. Ленка же холила свою женственность, раскручивала маму на новые шмотки и косметику, отплясывала на дискотеке, где у неё появилась своя компания, а к чтению так и не пристрастилась, несмотря на мои усилия. Когда мы были детьми, она любила слушать мои пересказы книг по картинкам. Лет в тринадцать она прочла пять романов за лето, и это была моя большая победа. Теперь, видимо, я кажусь ей совершенной занудой, но радикально отношения мы не разрываем. К тому же, моя мама любит вязать, а Ленка полюбила одалживать на дискотеку эксклюзивные кофточки. Ими забито несколько шкафов, ещё надолго хватит. Наверное, и сейчас будет примерка, быть может, с фотосессией. Фоткаться подруга любила и умела, каждый угол нашей квартиры уже был запечатлен.

Ленка хороша собой, спору нет: синие глаза, пшеничные волосы невероятной густоты, едва заметный макияж и безупречный маникюрчик. На юга ещё не ездила, но загар к ней будто прилип.

— Привет! Сто лет тебя не видела, — воскликнула она, улыбаясь неправдоподобно белыми зубами.

Вытащив из крохотной сумочки сотовый телефон, она положила его на кухонный стол.

— Колу я уже купила, — Ленка поставила рядом с телефоном бутылку, а я кинулась искать большие стаканы. Традиция! Значит, не сбежит через минуту.

Спросила, что новенького, хотя я уже не успеваю следить за её насыщенной жизнью. Ленка рассказала о своих подругах, соревновавшихся в цене нарядов, о дискотеке, о парнях, которые этих подруг за людей не считали, о новой помаде за сколько-то там рублей. В общем, новостей полно.

Когда она замолчала, мы стали надуваться колой. Я мучительно раздумывала, говорить ей о Роме или нет. Вряд ли она поймёт такое общение, да и само по себе знакомство. По Ленке сразу видно, слушает она или отключается, хотя — надо отдать ей должное — она умеет тактично молчать. Ленка всегда говорит тихо и недолго, ведёт себя степенно, скромно и женственно, без жеманства и кокетства. Людям она нравится, с ней легко.

— Я вчера с одним парнем познакомилась, — не выдержала я.

— Да ты что? — она вытаращила синие глазищи. — Где же? Ты все время дома сидишь...

— В «Стекляшке».

— Что ж молчишь, рассказывай! — она устроилась поудобнее на мягком уголке.

Я поведала Ленке о Роме и пиратском бизнесе.

— Он тебе понравился? — спросила она и хитренько так заулыбалась.

— Похоже, приятный человек, — ответила я.

Обычно мы любовную тему не обсуждали, хотя, разумеется, были в курсе симпатий друг друга. Но если я долго убивалась по одному парню, который едва ли помнил моё имя, подруга быстро отпускала бессмысленные мечты. Год назад ей нравился парень, у которого мать — преуспевающий нотариус. По району ходили слухи, как она заказывала себе фуру минералки, чтобы наполнить ею бассейн.

— Ну, где он и где я? — вздыхала Ленка.

Не бегала за ним, просто вздыхала. Потом узнала, что он стал гулять с дочкой судьи.

— Она ему больше под стать. Нотариус и судья!

— Не волнуйся, наверняка он избалованный маменькин сынок, — подбадривала подругу

я.

На дискотеке парни все время находились — к тому же, Ленка вкладывалась в свой внешний вид и с каждым днём расцветала. Свободна ли она сейчас, я пока не поняла — возможно, сама Ленка тоже.

Вечер.

Телефонный звонок.

— Привет, — незнакомый мужской голос, — это Рома.

Я уже догадалась. Не мог он не позвонить, я была уверена.

— В общем, хотел сказать, что записал тебе диск, можем как-нибудь встретиться, — он замолчал.

— Да хоть завтра, я свободна.

— Отлично, давай завтра. Для простоты в «Стекляшке», часа в два. Нормально?

— Вполне, — я почему-то улыбнулась и еле выдавила из себя «пока».

Быстро он управился! Думала, будет неделю записывать. Цену не обсуждали, но надеюсь, не обдерёт как липку. А вот на счет реки аж сердце екнуло. Я в купальнике — зрелище не для слабонервных, поэтому предпочитаю в таком виде не мелькать перед незнакомцами. Особенно симпатичными.

День 3-й

Приехав в «Стекляшку» на десять минут раньше, я сразу увидела Рому у прилавка. Он смотрел кассеты и диски, явно не собираясь ничего покупать. Задерживаться в магазине, обсуждая коммерческие тайны, мы не стали, и поспешили ретироваться. Едва мы оказались на улице, Рома выудил из чёрного рюкзака диск и протянул мне.

— Сколько? — спросила я.

— Чего сколько?

— Ну, сколько я тебе должна? — объяснила я.

Рома выпучил глаза и так посмотрел на меня, что я пожалела о вопросе.

— Какие деньги, о чем речь? — шёпотом возмущился резальщик, — я ж так, из личной симпатии, можно сказать. Что мне, болванки жалко, или барахла на компе?

Я извинилась — не хотела, мол, обижать. Значит, подарок? На том и порешили.

Какое-то время мы шли молча. Наконец, я не выдержала и спросила, куда, собственно, мы направляемся.

— Не знаю, — Рома будто опомнился, — честно говоря, надеялся прогуляться в приятной компании, а не просто отдать тебе диск и распрощаться.

— Тогда пойдём в парк, погода позволяет, — предложила я.

Рома оказался парнем без понтов и закидонов, приятным в общении, но явно не пустоголовым гривотрясом на абы чьих концертах в абы каком рок-клубе. Мы говорили о музыке и книгах, о фильмах, о людях, с которыми приходится общаться, даже о еде и одиночестве.

— Знаешь, я так давно не катался на каруселях и не ел сладкую вату, — сказал он, когда мы пришли в парк, — даже грустно.

— Можно все исправить!

У нас с Ленкой своего рода традиция: каждое лето ездить в парк, но сейчас не до того стало. Или мы уже не хотели? В прошлом году был неудачный выезд. День начался так себе и продолжался в том же духе: угораздило нас делить автобус с Ленкиными одноклассниками в количестве пяти штук. У Ленки с этой компанией нашлось предостаточно тем для беседы: кто когда подстригся, кто что себе купил и за сколько, что заказали по каталогу, какая помада лучше, где сделать мелирование и пойдёт ли такое-то такой-то. Приехав и выйдя на одной остановке, мы мирно разошлись: девчонки — в кинотеатр, а мы — в парк. Купили колы, и проснулась у Ленки вредность: то этот столик грязный, то тот без зонтика, то лавка возле урны, то ещё что-нибудь не так. Наконец, меня все это взбесило, и мы сели за первый попавшийся. Попив колы, пошли кататься на «Вихре». Ленка поначалу боялась, но я её уломала. Мне же досталась поломанная сидёлка, с которой я хотела пересесть, но опоздала — карусель поехала. Советское производство помогает почувствовать себя экстремалом. Решили покататься на «Торнадо», вспомнив Анькины восторги. Прошлый год был забыт, и мы, скрепя сердце, поплелись покупать билеты. Мало того, что они подорожали (мне уже расхотелось), так я ещё подбила Ленку сесть на первое место, чтобы лучше все видеть. Хотя, кроме нас, на этой ерунде никто не катался, можно было сесть хоть на последнее. Сидели мы, сидели, терзались и раздумывали и вдруг, жутко загудев, «Торнадо» тронулось. Какое-то время я себя подбадривала — ничего, мол, все ОК. Но не тут-то было! На повороте меня чуть не вытряхнуло, причём, с подбрасыванием, и я сильно отбила задницу. Рядом, вцепившись в держалку, сидела Ленка, и от ее присутствия почему-то стало легче.

— Слушай, я больше не хочу, я боюсь!!!

Скорость, конечно, класс, но руки вспотели и скользили по держалке, все тряслось и подпрыгивало, я боялась, что в какой-то момент разожму пальцы и улечу в кусты. А на самом резком повороте «Торнадо» подпрыгивало и подбрасывало нас до небес. Синяки были и на

спине, и на руках пониже локтя (ими я долбилась о держалку). Фу, наконец, приехали. И были безумно счастливы!

У Ленки на голове «стрижка-вспышка», у меня не лучше: заколка уехала на середину тогда ещё длинного хвоста, чёлку и боковые пряди растрепало.

— Ыыы! Я убью Аньку! И тебя заодно! Лучше бы ещё на цепочке прокатились!

Мы доплелись до кинотеатра, помыть в туалете руки: сладкая вата, с которой нам тоже «повезло» — оказалась она слишком засахаренной, приторно сладкой и прилипчивой — осела на ладонях под краской от торнадовских железок. Мыла, конечно, не было — отдирали ногтями. Тут в сортир зашли Ленкины одноклассницы. Весёлые девки, ничего не скажешь — не понимаю, почему нельзя подтянуть трусы в кабине?

Отодрав руки от липучей ваты и краски и вытерев их моим предусмотрительно захваченным носовым платком, который пришлось выбросить, мы, медленно покачиваясь, пошли к остановке. Стоять на твёрдой земле после «Торнадо» непривычно. Мне ужасно хотелось пить, я предложила Ленке потратить оставшиеся деньги на воду — школьникам можно ехать бесплатно в государственном транспорте.

— Вечно ты меня на что-то толкаешь, — вяло посетовала Ленка, — будем ждать тут до посинения...

Купили поллитровку спрайта, насладились прохладой и свежестью. В кармане ни копейки. Вот это уже интересно! Но ничего особенного не случилось — ни автостопа с изнашиванием, ни изнурительного похода пешком за десять километров. Скучно живём, в общем: автобуса ждали недолго. Встали и поехали — желающих много в час пик. Освободилось место у окна.

— Садись, не тормози, наклонись, — велела мне подруга.

Жаль, что последнего слова я не слышала. И на полном ходу влепилась лбом в поручень. Везёт же мне сегодня! Ленка подлетела как могла близко, испуганно спрашивая, все ли нормально. Я забрала у нее холодную ещё бутылку с остатками питья и приложила к ноющей шишке, мигом образовавшейся на толоконном лбу. Домой вернулась контуженая, усталая, голодная, злая и в синяках.

Рома заразительно смеялся, слушая рассказ о нашем прошлогоднем рейде на аттракционах.

— Знаешь, чувство такое странное, — изрёк он, соскочив с карусели, — будто мы играли в одной песочнице.

Я рассмеялась. Сравнение мне понравилось и примерно то же чувствовала и я, но ещё не успела об этом задуматься.

Мне всё-таки удалось заплатить за карусели и вату, хотя это было непросто.

— Но в кафе уже не заартачишься, — твердо сказал мой спутник, — это принципиально.

В кафе мы решили пойти в следующий раз, потому что мне не хотелось уезжать домой, давясь в транспорте, а поскольку уже пять вечера, то позже там можно только давиться.

День 4-й

Проснувшись, я поняла простую вещь: я счастлива. Абсолютно, и всегда была — просто забывала или воспринимала, как должное. И вот, счастливая и довольная, я сидела в кресле, смотрела «Матрицу» в сотый раз и ела жареную картошку. Потом вдруг подумала — а не сходить ли в лес? Только одной неохота. Я позвонила Роме, решив, что ничего криминального не делаю. Судя по голосу, он обрадовался, и сразу согласился прогуляться со мной. Одна беда: не знает, где меня искать — никогда в наших краях не был. Эх, чего не сделаешь ради возможного друга!

Я встретила его у «Стекляшки», и мы сразу поехали ко мне. Он всю дорогу смотрел в окно. Трасса, поля, трубы завода, крохотное вечно горячее озерцо и ни одной остановки несколько километров.

— Куда ты меня тащишь, а? — усмехнулся мой спутник. — Это безопасно?

Мы вышли из автобуса около моего дома, и я решила, что тащить человека сразу в лес невежливо. От чая Рома не отказался.

— Какая здесь тишина! — он озибался по сторонам. — И воздух такой чистый!

Моя комната его почему-то тоже удивляет. Обстановка спартанская, если б не плакаты. В основном «Ария», «Металлика», «Нирвана», да ещё Цой и мелкие постеры из журналов — случайные, чтобы не скучно было.

— Ну вот, есть же у тебя «Металлика»...

— Это долгая история, — попробовала отмахнуться я.

— А мы спешим?

Конечно, нет, да и я могу рассказать вкратце.

— Я купила пару больших плакатов, чтобы повесить стекло на двери. Изнутри комнаты оно выглядит как зеркало, а снаружи — всю комнату видно, будто сидишь в аквариуме. Сестра вышла замуж год назад, уехала от нас, и комната досталась мне. Вот я и решила на правах собственника тут кое-что переделать.

Мой гость только руками развёл.

— Как родители восприняли твои декорации?

— Уже привыкли. Поначалу бурно. Сестра тоже — мне, говорит, никогда бы не разрешили ничего тут вешать. Можно подумать, я спрашивала!

Он расхохотался.

— Я, конечно, и не думал, что у тебя тут вагон мягких игрушек. И очень, кстати, уютно. И главное, тихо — у меня в комнате слышно гроыхание трамвая.

Но как ни уютно было в моей берлоге, чай мы пили на кухне. Я включила «Арию» в зале, чаёвничали под любимую музыку.

Хотя утренний настрой поука за общением и разъездами, мы отправились-таки в лес. Его видно из окна моей комнаты, минут десять ходу. Роме и не снилось, что можно жить так близко к природе, но в пятиэтажном доме. Зелень к июлю пожухла, но птички пели и ветер шумел в листве.

— Сюда надо весной приходить или в начале лета, — нарушила я благоговейное молчание, — в посёлке цветут вишнёвые и яблоневые сады, красота! И зелень яркая, свежая, одуванчиков целое поле. Сейчас немного не то.

— Все равно прекрасно, — заверил мой спутник, вдыхая непривычный для него воздух, — и часто ты здесь бываешь?

— Мы с подругой иногда гуляем, — ответила я.

— Здесь хорошо быть одному.

— Одному везде хорошо, если в мире с собой.

— Но почему-то одиночество в душной квартире угнетает, а на природе нисколько. Здесь время идёт по-другому.

Мы шли по просеке. По сторонам стены деревьев и солнце навстречу.

— Что, если пикничок тут устроить? Не думала об этом?

Признаться, нет. С Аней мы никогда еды не брали — только книги. Сидели на подстилке, и она читала вслух свои любимые романы, пытаясь приобщить меня к фэнтези. В её исполнении я воспринимала такое чтение на ура, но сама так и не доходила до него.

Рома начал петь «Иди через лес», я включилась со второй строки. Мы спели много песен, пока шли. У него приятный голос, уверенный и ровный, будто он только и делает, что поёт — причём, не стенам своей комнаты.

— Играю немного, — улыбнулся он в ответ на моё предположение, — пытаюсь песни писать. Но с группой пока не складывается. Точнее, с грамотными музыкантами, которые хотели бы того же, что и я.

— Наверное, всему своё время... а вообще, послушать бы тебя сольно.

— Это можно устроить. Но не сейчас. Лучше под гитару.

Я согласилась. Столько вдруг планов образовалось, столько хочется успеть!

Прошли мы километра два, а потом обратно такое же расстояние. Домой он уехал, не заходя ко мне, около семи вечера.

День 5-й

Почти весь день я провела у бабушки. Помогала ей по хозяйству, бегала по магазинам и оплачивала коммуникации. Вернулась после сытного обеда, около пяти.

В дверь позвонили. На пороге стоял Рома в разодранных джинсах, стоптанных кедах и майке «Король и шут».

— Извини, что без приглашения, — начал он, — я тебе звонил весь день, но никто не брал трубку. Я даже волноваться начал. Да и просто здорово тут! Думал, если ты дома, вытащить тебя хоть куда в вашем прекрасном загороде!

Сюрприз, ничего не скажешь. Лихорадочно соображаю, все ли прибрано и много ли посуды в мойке. Пытаясь скрыть волнение, я пригласила его на кухню.

— Плавать-то у вас есть где? — спросила, ставя чайник.

— Есть, конечно, только добираться туда... или в парке, но там ни сесть, ни лечь — одни тела!

— А у нас много озер, только далековато, но по такой погоде и пройтись в кайф. Надо как-нибудь сходить, — я поставила кружки на стол.

— Я бы и сегодня не отказался. Даже плавки взял предусмотрительно.

Только я хотела сказать, что сегодня я уже набегалась и устала, затрезвонил телефон. Надо же, как резко меня восхотели!

— Привет, можно я к тебе зайду, кофточку возьму на диск? — тараторила Ленка, видимо, чтобы не разряжать мобильник и не тратить деньги.

— Конечно.

Я вернулась на кухню, где Рома продолжал без видимой причины улыбаться, глядя в окно. Я предупредила, что зайдёт подруга, и мой гость равнодушно кивнул, не повернувшись ко мне.

Ленка явилась через пятнадцать минут. Рома так и сидел на кухне, вряд ли собираясь выходить ей навстречу, но подруга узрела его огромные кеды в прихожей.

— Ты не одна?

— С парнем, о котором я тебе рассказывала...

И он возник на пороге кухни. Это что-то! Такого контраста мне наблюдать со стороны не приходилось, хотя доводилось создавать. Ленка в обтягивающих светлых брюках и в блузке с рюшами-воланами, открыв рот, взидала на Ромкины порезанные джинсы и портрет беззубого Горшка на майке. Мой гость ослепительно ей улыбнулся и шагнул навстречу. Я аж испугалась, что Ленка шарахнет от него, но она стояла как статуя. Заставив себя улыбнуться, протянула Роме руку с безупречным маникюром. Он как настоящий джентльмен, хотя и несколько неожиданно для меня, поцеловал её руку. Ленка явно смутилась от такого поворота, и зарделась.

— Лена, — все больше краснея, прошептала подруга.

— Рома.

Тишина. Ленка мнёт в руках вязаную кофту, а Рома топчется на пороге.

— Ну что, ребят, по чайку! — вклинилась я в образовавшуюся паузу.

— Да мне пора! — встрепенулась Ленка.

— А как же знакомство обмыть? — нашелся Рома.

И мы сели пить чай втроём. Рома рассказывал анекдоты, приколы из своей жизни и из жизни друзей. Особо афористичные Ленка не понимала, но смеялась из вежливости. Роме явно весело, а вот подруга не глядела за пределы чашки. Мне вдруг стало жутко неловко перед ней из-за нашей выходки. Она красивая и милая, тает от смущения как тургеневская барышня. С ней Рома блещет эрудицией охотнее, чем со мной.

— Надеюсь, мы ещё увидимся, алмаз моего сердца? — Сказал он ей на прощанье.

Я чуть не согнулась пополам от беззвучного хохота.

— Возможно, — кокетливо ответила Ленка, продолжая гореть в лице.

Едва за ней закрылась дверь, я усмехнулась:

— Ну, ты даешь! После такого она в тебя влюбится.

— Ну, скорее всего, она многим парням нравится. И более, так сказать, правильным.

Я пожала плечами и «согласилась»:

— Да, руки они ей не целуют и алмазом сердца не называют, круты дальше некуда. Только уважения нет, и нужны они друг другу только, чтоб было с кем на дискотеке потрястись и погулять вечером.

Он помолчал.

— Ну, если такое общение их устраивает, значит, оно зачем-то нужно... Оно по-своему удобно.

— Благо, недолго довелось мне пообщаться с такими людьми.

Как-то я спросила, почему Ленка ни разу не пригласила меня на дискотеку.

— Ты ж не пойдёшь, — ответила она.

И правда. Ещё год назад мне казалось, что дело только в музыке — не перевариваю я, что там крутят. Но оказалось, дело и в людях тоже. Они какие-то другие, и судя по Ленкиным рассказам, я бы чувствовала себя среди них ещё более неуместно, чем среди её одноклассниц в автобусе в ту принопамятную поездку.

— Знаешь, есть другой мир, — Рома откинулся на спинку мягкого уголка, — есть даже дискотеки с тяжёлой музыкой. Но не здесь. И не в нашем городе, но таких людей, как мы с тобой не так уж мало, просто требуется чуть больше усилий, чтобы найти друг друга.

Ясное дело, студенческая жизнь отличается от школьной, да и город отличается от посёлка городского типа, в котором я прожила всю жизнь.

— погоди, вот вернётся мой дружан с югов, мы организуем рокерскую тусу! У тебя есть другие подруги?

— Конечно, сейчас она в лагере.

— Вот и славно. Видишь, сколько у нас всего впереди?

Я думала, на дружбана он дуется на счет автостопа, но Рома оказался отходчивым.

— Не могу я долго злиться, да и смысла нет. Иначе люби себя сам, общаться будет не с кем. Каждый найдёт, чем тебя разочаровать.

Я припомнила, что та же Ленка меня не раз кидала, а в последнее время все больше. Обещала прийти и не приходила, а я ждала, меняла планы. Причём, появившийся у неё мобильник не сделал её более дисциплинированной. То он разряжался, то денег на счёт не хватало — зачем он ей тогда? Видимо, дело в том, что у неё появились близкие по духу люди, с которыми ей веселее, а я — как вялая привычка, которая скоро отомрёт. Если б не Анька, я бы чувствовала себя одиноко. Среди одноклассников нашлось бы лишь несколько человек, с которыми я хотела бы общаться, но за пределами школы не особо получалось.

День 6-й

Около полудня без предварительных звонков заявила Ленка. И чуть не убила меня за то, что мы вчера её в краску вогнали. Я ответила, что Рома просто хотел произвести на неё впечатление, и, судя по всему, ему удалось. Мы препирались в прихожей, пытаясь переорать Кипелова, пока я не опомнилась и не пригласила подругу войти.

— Знаешь, не ожидала я, что рокеры такие вежливые бывают.

— Думала, они только на деревьях кричать умеют? — вспомнила я «Простоквашино», но подруга не уловила.

— В общем, тебе повезло.

— Чтооооо?

— Тооооо, — передразнила она меня, — с таким прикольным парнем встречаешься.

— Мы не встречаемся, мы дружим просто.

— Ой, да ладно, не заливай! — рассмеялась она. — Между парнем и девушкой дружбы не бывает.

Меня всегда забавляло Ленкино вклинивание чужих истин в разговор.

— Много ты понимаешь, — буркнула я, — ещё как бывает.

Вскоре мы эту тему замяли. Попив чая, Ленка ушла — они с друзьями собрались на речку.

Роме я звонить не стала — не хочу надоедать, лучше пообщаюсь с собой. А то книги нечитаны, музыка неслушана, «Матрица» недосмотрена...

День 7-й

Звонила Ленка, просила её прикрыть вечером: хочет переночевать у подружки, но мама не пускает.

— А ко мне отпустит? — удивилась я.

— К тебе без вопросов.

Мы с Ромой договорились сегодня сходить на озеро, поплавать. Он уже купил бутылку пепси, я сделала бутерброды, и мы не спеша пошли через лес.

— Сто лет в таких местах не бывал, спасибо, что вытащила.

— Да не за что, — почему-то смутилась я, — для меня эти места с детства привычные и, наверное, единственно возможные для нормального существования.

— А я городской ребёнок. Даже никогда не задумывался, что можно иначе.

Я спросила про деревню или дачу — есть же что-то подобное? Или только на юга летом?

— Не всегда летом, — засмеялся он, — как-то ездили с друзьями ранней осенью, прикольно было. После десятого класса, как раз. Частично из школы ребята, частично дворовые пацаны.

— И отпустили родители?

— Значит, да.

С друзьями я никогда даже на речку не ходила — только с семьёй. Да и то, мы с папой приходили утром, плавали и уходили. Вечером приезжали, когда солнце уже садилось. Тоже проплывём и уедем. В прошлом году Анька приглашала с её друзьями, но я отказалась под предлогом, что привыкла плавать, а не загорать.

— Да мы через лес пойдём, жары не почувствуется, — уговаривала она.

Но я была непреклонна. Некомфортно я себя чувствовала полуголой в обществе мало-знакомых людей. Но Роме я этот поход пообещала чуть ли не в первый день знакомства — отступить некуда.

Мы отлично провели время, прыгая с тарзанки и со всех трёх мостиков, которые местные сколотили вокруг озера. Обратно тоже пришлось четыре километра отмерять. Рома сразу пошёл на остановку, было около восьми.

Едва я оказалась дома, раздался телефонный звонок. Ленкина мама.

— Позови Лену, пожалуйста.

— Она в магазин пошла, за колой, — не придумав ничего лучше, вру я.

— Когда вернётся, скажи, чтоб перезвонила на соседкин номер.

В Ленкином доме телефона нет, а сотовый у них один на всех и вечно у Ленки.

Я набрала номер мобильного, но он отключён. Вот свинство: кажется, и я вляпалась в историю. Этот мобильник у неё — аксессуар, не более того!

Через час я попробовала дозвониться до Ленки, но бесполезно. Едва я повесила трубку, как телефон затрещивал.

— Ну что, пришла она или нет? — немного раздражённо спросила Ленкина мама.

— Да пришла, только она в душе, — что ещё сказать?

— Ну, пусть перезвонит, как выйдет, это срочно.

Я битых два часа плавила Ленкин мобильник, но он по-прежнему отключён. Вот идиотство! Куда она подевалась? Прикрыла на свою голову, одна нервнотрепка!

Поужинав и почитав, легла спать. И приснился мне дурацкий сон: плывём мы с Ленкой по мутной стоячей реке, Ленка в кроличьей шапке моей бабушки, а я в пуховом облезлом шарфе. За нами кролем Рома в пальто.

— Леночка, алмаз моего сердца, позвони маме, — говорит он нежным голосом.

— Шас, доплывём до того берега, позвоню, — отвечает Ленка.

Мы вышли на опушке леса, где реки в помине не было.

— Платиновая ты моя, звони маме, — уже начал сердиться Рома.

— Шас, щас, — Ленка нетерпеливо шарила по карманам куртки в поисках телефона и достала пейджер, — ой! От воды мобильник превратился в пейджер!!! — захныкала она. — Как же я маме позвоню?!

Чем дело кончилось, я так и не узнала — разбудил громоподобный в ночной тиши телефонный звонок. Нашарив трубку, я рывкнула сонное «алло». Как через вату услышала зарёванный Ленкин голос, спрашивающий, можно ли прийти переночевать.

— Приходи, конечно. Что случилось-то?

— Потом расскажу. Ты одна?

— Естественно, а с кем мне быть?

— Ну, мало ли...

Я вскочила с постели, напялила папину клетчатую рубаху и пошлепала босиком на кухню. Поставила чайник, сделала бутерброды. Не очень-то приятно, когда тебя посреди ночи вытаскивают из уютной постельки, но в суете я не ощутила свинства в полной мере.

Минут через двадцать в дверь позвонили. На пороге стояла бледная Ленка в кожаной мини-юбке и в чёрной полупрозрачной блузке. Вид у неё был жалкий и потрепанный. Я жестом пригласила её на кухню.

— Прости, что разбудила, мне очень неловко, но больше некуда идти.

— Да забей, — я махнула рукой, — что стряслось, расскажешь?

Я вовремя заметила, что Ленка готова опять расплакаться, и не стала терзать её.

— Может, переоденешься? — скинуть надоевшие за день шмотки уже много. Да ещё провонявшие куревом. Принять душ было бы совсем хорошо.

Я принесла ей мамин халат. Ленка пошла переодеваться и вернулась на кухню уже более спокойная. Зелёный чай она пила механически, как лекарство. Допив, пошла за мной в комнату, где я тихонько включила магнитофон. Нашла в закромах диск Иглесиаса.

Ленка ничего не говорила, я ни о чем не спрашивала — успокоится и сама расскажет, когда захочет.

Я вышла из комнаты, оставив тихо играющую музыку. Сама обосновалась в родительской спальне и заснула с трудом, мучаясь догадками о том, что могло произойти. Но что бы там ни было, моей вины нет — а это успокаивает похлеще Иглесиаса с зелёным чаем.

День 8-й

Вторую половину ночи спалось хреново. Проснулась я в десять утра. Застелив кровать, поплелась на кухню, жарить картошку на завтрак.

Ленка выползла из моей комнаты час спустя и спросила, можно ли принять душ. Пока она мылась, я нашла в своём гардеробе несколько подходящих шмоток — не будет же она в вечернем наряде ходить! Сначала она артачилась, но потом всё-таки согласилась облачиться в мою одежду. Не совсем ее стиль, конечно, но зато удобно. Хорошо, что мы одного роста и размер носим один. Она уложила волосы феном, и мы сели завтракать. Только тогда она и рассказала, что случилось вчера.

Ленка была на дискотеке с подругами. Пока она танцевала, её толкнул какой-то тип, да так, что она чуть не упала. Ленка повернулась к нему, спрашивая, в чем дело, а он вместо ответа выплеснул бутылку минералки ей в лицо. Чуть позже, отойдя от шока и увидев этого субъекта, она пошла разбираться. Рядом с ним стояли три девицы, по виду гораздо старше Ленки и её подруг. Парень был в лоскуты пьян и все отрицал, а девки попёрли на Ленку отборным матом. Вычленив из их речей приличные слова, можно свести смысл к следующему: Ленка сошла с ума и вообще малявка ещё, нечего ей тут шататься, это они тут главные, взрослые, крутые и т. д. и т. п. Ленка благоразумно плюнула на всех и ушла танцевать. Не успела успокоиться, как эти девки снова к ней подкатили со словами: «пойдём выйдем». Ленка ответила, что ей с ними говорить не о чем, но всё-таки вышла. И тот самый тип тоже выполз на улицу, на этот раз не отрицая содеянного и бубня, что ничего страшного, если и вылил он на Ленку минералку. Ленка уже и не собиралась возмущаться, но девки шустро её схватили и начали метелить втроём. Вырвали приличный клочок волос и поцарапали фейс. Пока на улице резвился народ, подруги Ленкины по-быстрому свалили из клуба. Ночевать к одной из них Ленка, естественно, не пошла.

Вернулась домой, а там не ждали: напившийся в хлам отец валялся поперек входа, и племянник занял её комнату. Поругавшись с мамой до кучи, она пришла ко мне. Больше у неё никого не осталось — только дедушка, но к нему среди ночи она идти не рискнула. В той же квартире живут брат и дядя.

Я предложила Ленке остаться у меня сколько понадобится, чтобы прийти в себя и отдохнуть от всех.

— Хочешь, сходим на речку сегодня?

— Туда и они могут прийти, — ответила она, подразумевая своих друзей.

— Тогда на озеро — оно далеко, точно не попрутся.

— Через лес, страшно, — протянула Ленка.

— Ромку позовем, с ним не страшно.

— Ой, не надо!

— Да ладно, почему? Он нормальный парень.

— Я ничего и не говорю по этому поводу, — Ленка уже успела покраснеть как индеец.

Я набрала Ромкин номер. Он согласился составить нам компанию.

Я нашла подруге купальник, собрала все необходимое в рюкзак. Рома приехал с пепси и чипсами.

— Искренне рад снова видеть вас, кристалл моей души! — воскликнул он с порога.

Ленка явно подготовилась к встрече:

— Я тоже рада приветствовать вас, о вежливый рыцарь каменных равнин, в нашем убогом болотце.

Чудо, на озере были мы одни! Ленка не особый любитель торчать в воде до посинения, хотя классно плавает. А мы с Ромкой готовы плескаться, пока не утонем от усталости. Прыжки в воду никогда не были моим любимым занятием: прыгнула с задрипанного мостика, больно

ударившись коленками о воду. Ромка надумал научить меня нырять как следует. Ленка поддерживала его и давала ЦУ с берега.

Нанырявшись вдоволь, мы минут десять молча отлёживались на подстилке. Потом мы с Ромой начали говорить о музыке, о книгах, которые ещё не успели обсудить, а Ленка принялась изучать свой маникюр. Мы не пытались втянуть её в наш разговор, однако её заинтересовали приколы, которые рассказывал Рома о своей работе, об институте, о преподавателях. Для нас это пока параллельный мир, поэтому и слушали, открыв рты. Ленка не собиралась поступать в вуз, хотела пойти учиться на парикмахершу после школы. Это на год, а потом работа. У её мамы все схвачено.

— На самом деле, ВУЗ — скучное место, — говорил Рома, — самые интеллектуальные разговоры сводятся к аниме и так называемой рок-музыке, которую никто толком не знает, к пересказу фильмов и книг не слишком запарного содержания, и к приколам вроде «борода — это негигиенично». Меня не интересует, кто какие витамины принимает и по каким клубам шляется, да ещё как там можно нажраться и проблеваться.

Хотела проследить реакцию Ленки, но она мне не позволила:

— Ну, кто хочет поплавать? — подруга вскочила.

Я соскреблась с подстилки. Первой шагнула с мостика, достав ногами до дна. Ленка степенно спустилась в воду по сломанным веткам. Мы проплыли метров шестьдесят, потом Ленка вылезла из воды, а я плавала ещё. Рома, видимо, тоже решил окунуться и чуть не упал на меня с тарзанки, а Ленка хохотала, глядя на это с берега.

Позагорав, доев бутерброды и допив колу, мы собрались домой. Шли почти всю дорогу молча, но меня это не тяготило, как ребят — не знаю. Рома сразу пошёл к остановке, когда мы добрались до моего района. Пока Ленка принимала душ, я стряпала нехитрый обед, состоящий из бэпэшек на первое и куриных ножек на второе. Гарниром служил свежий овощной салат. Мы сели обедать, когда наступил вечер.

— Останешься? — спросила я подругу.

— Если можно, — смущённо улыбнулась она, — мама, наверное, будет звонить. Скажи ей, что меня здесь нет.

— Поговори с ней, — посоветовала я, — она ни в чем перед тобой не виновата.

— Она в жизни моей виновата.

Фраза показалась мне двусмысленной: то ли Ленкина мама виновата в том, что подарила ей жизнь, то ли в том, что жизнь у Ленки такая беспокойная. Ее родители давно разведены, но живут в одном доме. Когда отец-алкоголик с тяжёлым характером напивался и устраивал скандалы, Ленка с мамой уходила к бабушке, через дорогу от их дома. Прошлой осенью бабушка умерла. Ленкин брат развёлся, поэтому пришёл в родной дом, оставив квартиру жене и ребёнку. Ленка похудела на шесть килограмм, и, если бы не её спокойный характер, могла дойти до срыва.

По средам после школы мы сидели у меня, пили чай и смотрели «Простые истины». Домой ей вряд ли хотелось. Она жила с бабушкой, дядей и братом в тесной хрущевке. Делала уроки, хотя нечасто, потом шла гулять с друзьями. По выходным ходила на дискотеку, а с понедельника снова в школу. Маму видела на базаре, наверное, каждый день — она там работает. Плохо, когда нет своего угла — не то, что комнаты. Нет магнитофона, письменного стола и уюта. Мама работала, как лошадь, и денег хватило бы, чтобы снять квартиру и спокойно жить с дочерью, поэтому ее поведение мне непонятно. Видимо, и Ленка его давно не одобряла. Тете Вале больше нравилось жаловаться коллегам на горькую долю и слышать сочувствия подруг, чем жить без хоть какого мужика.

— Сотовый я отключила, — после небольшой паузы сказала Ленка, — и звонить мне никто не будет. Кроме тебя я не хочу ни с кем общаться.

Пока я наливала чай, а подруга выкладывала варенье из банки в розетки, зазвонил телефон. Ленка вздрогнула. Я подошла к аппарату и сняла трубку после третьего звонка.

Разумеется, это была взволнованная Ленкина мама, интересовавшаяся, где пропадает её дочь. Я, притворившись растерянной, сообщила, что у меня её нет, и где она, я тоже не знаю.

— Но она собиралась у тебя ночевать, — заметили на том конце провода, — только потом почему-то вернулась. Что у вас случилось?

— Мы поругались, — ненавидя себя в эту минуту, брякнула я.

— Из-за чего?

— Да так, по мелочи, — не представляю, что могло поссорить нас. Мы ссорились лет в десять или раньше, когда не могли поделить игрушки или продумать сценарий игры.

— Господи, ну где же она?! — почти в отчаянии воскликнула женщина.

— Если я узнаю, я вам позвоню, — пообещала я, — соседке.

На том и простились. Все это время Ленка стояла возле меня, прилипнув к трубке с внешней стороны.

— Лен, позвони ей!

— Не буду, — заартачилась подруга, как и следовало ожидать.

— Просто позвони и скажи: мам, я жива, здорова, домой пока не вернусь — и бросай трубку. Чтоб она не начала больницы и морги обзванивать.

Секунду Ленка напряжённо обдумывала моё предложение. Воспользовавшись случаем, я сняла трубку, набрала номер Ленкиной соседки и попросила позвать тётю Валю. Отдав трубку подруге, я отошла, хотя и с кухни все слышно. Она выдала матери мою фразу почти дословно. Но та хотя бы услышала голос пропавшей дочери.

День 9-й

Утром мы решили поехать в кино. Ленку я облачила в голубое платье сестры, и она пообещала быть аккуратной.

Мы приехали за полчаса до начала сеанса и сели на лавочку. Денег у Ленки, конечно, нет, билеты и колу покупала я.

Фильм несерьёзный, но для смеха и отдыха то, что надо. После мы пошли в кафе, невзирая на Ленкины протесты — мол, неудобно обдирать меня как липку, но я убедила её, что уж на стакан зелёного чая с каким-нибудь пирожным денег у меня хватит.

Приехали домой часов в пять. Ленка села смотреть какое-то кино по ящику, а я стала читать «Фауста», на которого у меня в последние дни не хватало времени. Вот и сейчас оторвал меня от этого занятия телефонный звонок: Рома предложил завтра встретиться — мол, обещала я ему поход в кафе ещё при второй встрече. Я помялась с минуту, а потом сказала, что не могу.

— Почему? — упавшим голосом спросила трубка.

— Завтра надо к бабушке зайти, телефон оплатить, помочь по хозяйству и все такое, — выдумала на ходу, на что фантазии хватило. Может, и стоило сказать, что живёт у меня Ленка, не могу я её одну оставить, а сама в кафе сидеть. И с собой её тащить тоже не дело.

— Ром, давай попозже встретимся, — нарушила молчание я, — мне очень хочется с тобой увидеться.

— Это хорошо, — казалось, он улыбнулся, — а может, ты ко мне заедешь? Ты же у меня ни разу не была.

— А где ты?

— Запиши адрес. Я почти всегда дома.

Ленка нашего разговора не слышала, и это радовало. Ещё начнёт винить себя в том, что я из-за неё с Ромкой не вижусь.

Вечер.

Я вышла купитьпельменей и ещё кое-чего на завтра — вдвоём быстро все слопали. У соседнего подъезда увидела Дану — новую Анину подругу. Имя у неё необычное — Богдана. И в школе она была знаменита тем, что у неё диабет с семи лет. Ей никогда не дарили сладкого, она сидела на загадочном инсулине, но в целом — девчонка как девчонка, внешне ничего необычного или пугающего. Хорошенькая, кудрявая. Сейчас особенно — коротко подстриглась. Аня говорила, что у неё какие-то комплексы по поводу этой болезни и потому она замкнутая и необщительная — вот подруга и вознамерилась адаптировать её к нормальной жизни.

— Дан, привет! — окликнула я её.

Она обернулась. Узнала меня. Мы сели на лавку у подъезда и заговорили о всяких банальностях, начиная с Аньки — есть же общий друг, а там, может и ещё о чем получится. Как на странно, разговор пошёл легко и непринуждённо. После Ленкиных мелодрам, шмоток и ногтей я с Ромкой душой отдыхаю, а теперь вот с Даной.

— Скучаешь? — спросила она.

— Признаться, не особо, — улыбнулась я и выдала такое, чему сама удивилась:

— Я с таким парнем познакомилась, просто космос!

— Расскажи!

Удивляясь себе ещё больше, я пригласила Дану в гости. Ленка сидит на балконе, лак отдирает — жидкости для его снятия у меня не нашлось, а ей то ли больше заняться нечем, то ли лак ей так опостылел и начал скалываться... не вникла в эти сложности.

Мы пришли ко мне, и, включив «Арию», я предложила Дана выпить джин-тоника — мы с сестрой как-то покупали, осталась банка.

— Я, признаться, не имею большого опыта по этой части...

— Да я тоже, — впервые напилась на концерте той же «Арии» в прошлом декабре, а потом — на папин день рождения, в январе. С тех пор осторожничаю, но думаю, с половины банки ничего не будет.

Под джин я рассказала Дана о своих чаяниях насчёт Ромы и подруги, удивляясь себе все больше. Я себе сама в таком не признавалась! Что Рома меня интересуется куда больше, чем просто друг, и его реверансы в Ленкину сторону меня нервируют: я не понимаю, как он ко мне относится, и если я ему нравлюсь — зачем он это делает? Прикола ради или меня проверить?

— Может, он тоже хочет понять, как ты к нему относишься, — предположила Дана.

— А вдруг она ему и правда нравится? Она же такая красивая...

— О чем он с ней говорить-то будет, красивая!

Говорить можно и со мной, а вот любоваться... кто разберёт этих парней?

Дана очень удивилась, что Ленка не просто живёт у меня, а вот прямо сейчас у меня — сидит и лак отдирает. Предложила её позвать, но я смирила взглядом фужеры сджином и решила, что самим мало. Закрыла дверь кухни и стала рассказывать Дана о расхождениях с подругой.

— У меня примерно такая же история. Есть подруга детства, у которой нарушения речи. И я чутка больная, вот и познакомили нас учителя, надеясь, что мы лучше друг друга поймём. Над ней смеялись, я себя стеснялась. Действительно, в какой-то момент мы были нужны друг другу. А теперь у каждой намечается своя жизнь, и пути расходятся. Без ссор и обид.

Приятно, когда тебя так понимают.

— Почему бы тебе Роме прямо все не сказать? — предложила Дана. — Мол, проблемы у подруги, живёт у меня пока, а я хочу тебя видеть чаще, но без третьего лица. И вроде как не открываешь своих чувств, но если он не идиот, должен понять.

— Гениально! — джин начал действовать, мне стало весело.

Осушив банку и закусив апельсином с печеньем, мы перешли в зал. Я сделала музыку тише и даже предложила Дана фильм посмотреть, но она заметила, что на это можно и Ленку позвать, а ещё лучше — Рому тоже, да все ему и объяснить лично.

— Как хорошо, что я тебя встретила! — по-моему, голос мой стал громким и развязным.

И Аньку я поняла, почему она к Дана прикипела. Классная девчонка. Зря от меня её прячет. Или от ревности моей, дружеской, скрывает? Вот вернётся Ромкин автостопщик — а тут уже такая компания собирается!

Ленка и не заметила, что у нас кто-то был, но на мои блестящие спяну глаза обратила внимание. Я только улыбнулась в ответ и продолжила кухонные хлопоты. Нож плясал в руках пока я чистила картошку на завтра, но мне было весело. После разговора с Даной все предстало в другом свете, и я поняла, что делать дальше.

Ленка рано легла спать, так как ей нечем заняться. Я же включила в зале музыку — тихо, чтобы никому не мешать, и слушала, лежа на полу. Станные мысли вертелись в голове под баллады «Арии». Почти откровением явилось осознание своей значимости — пусть не в слишком возвышенном её понимании, но всё-таки... Ленке я сейчас нужна как никогда, Роме, получается, тоже, иначе он не общался бы со мной так часто, а может, и заговаривать бы не стал. За неделю познакомилась с хорошим человеком, сблизилась с подругой, с которой, казалось, уже все нити порвались. И мне почему-то хорошо. Наверное, я эгоистка, но что с этим делать?

День 10-й

За завтраком предложила Ленке сходить к моей бабушке — во дворе хорошо, не то, что в бетонной коробке о пяти этажах. Можно посидеть на лавочке, попить колы на свежем воздухе. Подруга согласилась.

Придя к бабушке, мы сели за деревянный столик у сарая и разлили колу по пластиковым стаканчикам. Какое-то время молчали, а потом Ленка спросила, почему я перестала встречаться с Ромой.

— У него какие-то дела, — опять соврала я, не беспокоясь, что вранье войдёт в привычку.

— А ты хотела бы его увидеть?

— Да, — тут уж я была честна. Мне стало его не хватать.

— Может, ты из-за меня с ним не видишься?

Ленка не просто воспитанная, но и чуткая, а это совсем плохо. Думаю, её саму напрягает столь затянувшееся пребывание у меня, но, по-моему, скоро все должно решиться, иначе я окончательно заврюсь. Да и родители приедут через неделю, а я не успела отдохнуть.

Я решила воспользоваться Даниным советом и устроить кинопоказ у себя дома.

— А если Ромку пригласить, ты не против? — спросила я подругу.

— Конечно, нет. Тебе решать, — понуро ответила она.

Тут во двор вышла бабушка и окинула взглядом Лену, как бы спрашивая: видела она где-то эти штаны и футболку или нет? Предложила мне пожить у неё, откормиться — вечно она за меня волнуется. Тем более, я там одна-одинешенька! Да, если бы...

Придя домой, я позвонила Роме и пригласила его к себе на фильм, чувствуя, что от идеи за километр несёт идиотизмом. Как ни странно, он с радостью согласился на «Зелёную милю», даже узнав, что Ленка у меня.

Я подвинула в зале кресла поудобнее, включила ящик, заготовила несколько компакт-дисков с нетяжелой музыкой, чтобы Ленка не очумела, хотя, надо отдать ей должное, она терпимо относилась ко всякой музыке, потому что в принципе не могла её любить. «Ария» её не раздражала, но это на крайний случай — если что-то ещё будет раздражать Рому.

Он приехал через час. Ленка мило улыбнулась, готовясь к очередному экзотическому приветствию, но Рома только сказал ей:

— Привет! Как дела?

— Нормально, — немного ошарашено отреагировала подруга, — а у тебя?

— Тоже ничего. Держи, — он повернулся ко мне и вручил огромный пакет чипсов и минералку, — я подумал, что от колы и пепси у вас скоро зубы развалятся.

Ленка от души рассмеялась.

— Ты угадал, колу мы сегодня уже пили.

Мы уселись перед телевизором и стали смотреть «Зелёную милю» под хруст чипсов и шипение минералки. Поскольку фильм длинный, решили устроить антракт, в течение которого пили чай на кухне. Мой расчёт прост: кино предоставит тему для беседы, поэтому неловкого молчания повиснуть не должно, а дабы отвлечься от грустных дум, можно будет послушать хорошую музыку и даже потанцевать.

— А что играет? — спросил Рома, допив чай. — Знакомое, но не узнаю.

— «Бон Джови», — ответила я.

— О, здорово! Можно рок-н-ролл танцевать!

И он вызвался учить Ленку танцевать рок-н-ролл. Ленка занималась танцами и схватывала все на лету. Не над чем поржать и не над кем. Потом началась баллада Thank You For Loving Me. Ромка взъерошил свои светлые волосы и задумчиво, глядя в потолок, произнёс:

— Ну что, пригласить тебя, что ли, алмаз моего сердца?

— Сделай милость, — в тон ему засмеялась Ленка.

Они неплохо смотрятся вместе, — подумала я. Ленка украшение, с ней все хорошо смотрится. Я думала, мне будет больно на это смотреть, но я не почувствовала ничего, кроме подзабытой грусти. Буквально год назад меня заедали меланхолии по поводу своей непохожести на Ленку и её подруг, но главная причина, видимо, крылась в страхе одиночества. Теперь же совершенно не хочу становиться второй Ленкой или ещё кем-то. Главное найти своих и успокоиться. И если этот свой останется всего лишь другом — жить можно и даже не без приятности.

Закончилась песня, а вместе с ней топтание на месте под названием танец. Мне танцевать не хотелось — наверное, я бы покраснела и бледнела, наступая на ноги партнёру.

Ленка ушла в туалет.

— Она живёт у тебя? — шепнул Рома, приблизившись ко мне вплотную.

— Пока да, — ответила я, глядя в его удивительно яркие голубые глаза, — у неё проблемы в семье.

Он понимающе кивнул.

— Тебе скучно? — спросила я.

— Нет, — он замялся, — просто хотел с тобой повидаться. Только с тобой, понимаешь? Меня аж в пот бросило.

— Приезжай ко мне, — он положил руку мне на плечо, — она же может побыть одна? Ты не обязана её развлекать круглосуточно.

— Я приеду, обязательно. Но не знаю, когда.

Ленка вернулась. Страхнув Ромину руку с плеча, я пошла на кухню, попить. Небо в глазах... кошмар, что со мной творится? Лицо горит, дышать тяжело. Надо к нему съездить хоть завтра. А что Ленка? Посидит одна, кинцо какое-нибудь посмотрит по видику, ничего страшного. На другой руке лак отдерёт. Она наверняка встречалась бы, с кем хотела, если б я у неё жила.

Рома попросил меня проводить его до остановки, проветриться. Мы шли молча, и мне хотелось оказаться где-нибудь в другом месте. Но при этом... форменный идиотизм — хотелось, чтобы это мгновение не кончалось. Просто идти рядом и молчать. Наверное, всю ночь мне будет сниться его глаза. Если вообще засну.

День 11-й

Утро.

В пустой квартире тишина. Слышно только бормотание холодильника. 4:04 на старых ярко-зеленых электронных часах. Загадать желание? А зачем, раз не веришь? Смеха ради.

Спала ужасно, всю ночь колобродила, сидела на балконе, встретила рассвет. В шесть утра решила прекратить мучения и окончательно встать. Позвонить ему, что ли? Совсем с рельсов съехала, в такую-то рань! Конечно, он ещё спит, как все нормальные люди. В одночасье я перестала к ним относиться.

Я влезла в кроссовки и тихонько вышла из дома. Утренний воздух прохладен и свеж. Сразу стало прозрачнее и легче. Села в пустой автобус и поехала в город. Выйдя на остановке, что рядом со «Стекляшкой», купила банку колы в круглосуточном ларьке. Магазины закрыты, город только просыпается, движение замедленное. Я побрела вниз по проспекту. В кармане джинсов — смятая бумажка из записной книжки с адресом Ромы. Не надо сходить с ума, причём, так резко...

В глазах туман, тело будто не моё. Заболела я, что ли? Плюхнулась на лавку и стала жадно пить колу. Козырёк джинсовой бейсболки урезал обзор, да я и так ничего перед собой не вижу. Зачем я здесь? Я должна быть дома, в тёплой постельке, а вместо этого сижу на лавке, в десяти километрах от собственной квартиры и напеваю песню Никольского «Мой друг художник и поэт». По-утреннему зябко и сонно. Восемь тридцать. Пора, наверное, возвращаться. Ленка, небось, ещё спит и, скорее всего, не заметит моего отсутствия. Хочется послушать музыку на всю катушку, ничего не готовить на завтра или слоняться по квартире полдня, не застилая постель. Развалиться в кресле перед телевизором и молчать хоть весь день. Вот бы снова остаться одной!

Или позвать Рому и гулять по новым маршрутам. Узнавать друг о друге новое, делиться сокровищами наших миров. Говорить и не наговориться. Смотреть и не насмотреться.

Я тихонько вошла в квартиру, крадучись добрела до комнаты родителей, закрыла за собой дверь, не раздеваясь, повалилась на кровать и тут же заснула. И снились мне небесные глаза и пшеничные волосы. Сон был бессвязным и недолгим, я быстро проснулась. Десять только. Ужасно хочу чая. За три часа столько всего успела и ничего не сделала!

— Привет! Что это ты такая... — Ленка сидела за кухонным столом.

— Какая? — встрепнулась я.

Ожидала, что она скажет: «бледная, сонная, страшная, ужасно выглядишь» и т.п., но услышала в ответ:

— Необычная.

— Да вроде как вчера. Есть будешь?

— Нет. Пойду домой.

Я мысленно облегчённо вздохнула. Подруга мне не надоела — она не умеет. Случилось то, о чем я когда-то говорила себе: без достаточной дозы одиночества я начинаю нервничать.

Она надела кожаную юбку, вечернюю блузку и туфли, поблагодарила меня за все и передала привет Роме. Проводив её, я выглянула в окно. Она шла тяжёлой походкой, низко опустив голову и сутулясь. Правильное решение...

И вдруг навалилась усталость невероятная — я отрубилась прямо на мягком уголке на кухне.

Вечер.

Еду в автобусе, у окна. В плеере альбом «Коллекционер оружия». Я ещё не отошла от сна, но уверена, что не прозеваю нужную остановку. Дом нашла довольно быстро. Позвонив

в дверь, услышала звон ключей и бряканье замков. Открыл сам Рома. В белой футболке и с собранными в хвост волосами — таким я его ещё не видела. Белый ему идёт — до сего времени я и не замечала бронзовый загар.

— Как я рад тебя видеть! — он протянул мне руку, лучезарно улыбаясь.

А уж я-то как рада... но промямлила только «я тоже».

Квартира показалась огромной, мебели немного, но она очень современная. Рома провёл меня в свою комнату. Там ничего лишнего: письменный стол с компьютером, стеллажи с книгами, тахта под клетчатым пледом. Плакатов мало, в основном черно-белые и приклеены под наклоном. Две гитары в углу — бордовая электруха и акустика-классика.

— Присаживайся, — он выкатил из-за стола крутящееся кресло, а сам сел на тахту.

— Ленка ушла сегодня, — сообщила я.

— Решила проблемы?

— Нет, только собралась. Не бежать же от них вечно.

— Почему же... порой человеку нужно остановиться и подумать. Наверное, она обо всем подумала у тебя. У тебя хорошо думается.

Я засмеялась в ответ.

— Наконец-то я услышу твою музыку! — я перевела взгляд на гитары.

Он взял электрическую, подключил комбик, слегка подстроил звук и наиграл какое-то незнакомое соло. Играл чисто и преувеличено аккуратно, как мне показалось. Не хватало уверенности.

— Можно посмотреть твои диски? Тут так много всего незнакомого...

— Смотри и бери что хочешь.

К слову, он уже натаскал мне много — ту же «Металлику» и «Нирвану», но пока я не прониклась. «Металлика» казалась мне жёсткой и резкой, кроме баллад. А «Нирвана» оставила желание вслушаться внимательнее, но на крючок не подцепила. Я уже призналась Роме в этом во время одного нашего «музыкального» разговора, и он отнёсся с пониманием:

— Я по себе заметил, что меня сразу и не цепляла музыка, ставшая впоследствии любимой. При первом и даже десятом прослушивании я воспринимал её прохладно, а потом... что-то происходит. Правильное настроение и правильная ситуация. Наверное, как с человеком. Ты веришь в любовь с первого взгляда?

— Пожалуй, нет. Влюблённость — может быть.

Не было в том разговоре никакого флирта или намёка, поэтому я даже не придавала ему значения. А вдруг все это было? Теперь вспомнила, и меня опять в жар бросило.

Я, вздохнув, стала перебирать диски. Сколько тут всего! И почти все незнакомо. Не могу даже сделать выводы о его вкусах.

— Я пока чаёк поставлю, — Рома вышел из комнаты, и я выдохнула.

Куда делось прежнее непринуждённое общение? Возникло ощущение неловкости, причём, с его стороны тоже.

Когда Рома окликнул меня с кухни, я пошла на звук его голоса по лабиринтам коридоров, по светлому паркету. На кухне чисто, как в операционной. Все по последнему слову техники, мебель и обои светлые.

— Надо музыку поставить, как-то странно без неё.

То, что впоследствии заиграло из комнаты, оказалось незнакомым, но очень красивым.

— Знаешь, я люблю чистые гитарные соло и красивый женский вокал, — усмехнулся хозяин.

— Ну, это и правда красиво, — я пожала плечами, — для тебя это откровение?

— В некотором роде да. Недавно зарубался под трэш и дэт.

— Смутно представляю себе, что это такое, — робко призналась я, — пока мне и «Металлики» хватило.

— И славненько! У тебя хороший вкус, не надо засорять. «Металлика» — это классика американского трэша изначально, но потом — гораздо больше и сложнее. Уверен, что со временем она тебе понравится так, что за уши не оттащишь. То, что ты сейчас слышишь, называется Elis. Подобных им ужасно много, но почему-то одни мне нравятся, а другие раздражают.

Я вслушалась в музыку. Не слышала ничего подобного. Действительно, прекрасный женский голос и музыка плотнее «арийской». Интересное сочетание. Господи, какая же я отсталая!

Когда чай был выпит и какие-то темы мы успели обсудить, Рома сказал, что в гараже у него есть старый ВЭФ-овский приёмник, который ловит недоступные моему плееру диапазоны. А там, по радио «Юность», вовсю идут передачи Сергея Маврина о рок-музыке.

— Тот самый «Железный занавес»?! — я аж подпрыгнула.

— Тот самый, — он рассмеялся, глядя на мою реакцию.

В гараже старый электрочайник, с которого слезла краска, шербатые кружки. Изъеденный молью клетчатый плед с бахромой и небольшая подушка на продавленном диване. Пока Рома терзал ВЭФ в поисках нужной радиостанции, я почти засыпала на этом диване. Единственный минус — бензином воняет. Лампа дневного света одна на весь просторный гараж, мигает и нервнует фиолетовым светом в сорок ватт. Но что-то в этом есть!

Наконец отладив доисторический приёмник, Рома сел на покоцанную колонку. До «ЖЗ» ещё куча времени. Он взял гитару и стал подбирать мелодию к своему стиху. Глядишь, какая-нибудь и сойдёт для основного риффа или хотя бы для ритма.

— Почитай мне, — попросила я. Не в моих привычках лезть в чужую душу, но появилась душа, в которую захотелось влезть.

— Я уже не настолько юн, чтоб артачиться. Слушай.

Когда он дочитал, я какое-то время сидела молча. Зацепило, даже очень. Чем именно, понять не могу — самой подборкой слов и построением фраз, красотой образов. Депрессивно только. Но, по-моему, и смысл весьма прозрачен, что меня удивило в поэзии — она же всегда такая завуалированная, иносказательная. Сама я пишу всего два года и, естественно, мыслей нет, чтобы кому-то это показывать, но Рома спросил о моих стихах. Я наизусть не помню, поэтому обещала переписать кое-какие для него.

— Много у тебя? — поинтересовался он почти робко.

— Четыре блокнота.

Он присвистнул.

— Я вообще-то редко пишу. И в основном песни. Поэзия — это высоко, а песенки — это так...

— Для меня загадка, как можно придумать музыку!

— Очень просто — тут и думать не надо, — усмехнулся Рома, немного грустно посмотрев на меня, — берёшь гитару и наигрываешь. Если что путное всплывёт, включай диктофон и не пропадёт. А стих обязательно найдётся. Впрочем, тут законов нет, у всех творческий процесс по-разному идёт...

— Споёшь что-нибудь из своего? — совсем обнаглела я. — Никто мне никогда своих песен не пел...

Несколько секунд он молча теребил струны, будто вспоминая или решая, что именно сыграть и, наконец, запел:

*За порогом туман,
В нем рекою шумит моё лето,
И свободой дышит ветер —
Только он не прельщает меня.*

*Поворот в никуда —
Не в обиде пустое сердце,
Его кормит привычная вера,
И надеждой — закрытая дверь.*

*Моя боль — не мечта,
Моя боль — не желание счастья,
Моя боль — это жить дальше.
Без мечты мне спокойней плыть.*

*Догорай, моя ночь,
А за ней вновь разбитое утро,
День несказанных пересудов,
Вечер золотом льётся с крыши.*

Он мягко играл ритм, разбавляя его красивыми переборами, голос звучал чётко и поставлено, будто он только и делает, что поёт и совершенно при этом не волнуется. Я слушала, откинувшись на спинку дивана и закрыв глаза. Что ему даёт общение со мной? Чувствуешь себя полной бездарностью, мелкой и непросвещённой. Зачем я здесь? Я только беру и ничего не отдаю.

«ЖЗ» шёл каких-то полчаса, но прозвучал для меня откровением. В свои шестнадцать я думала, что задыхаюсь без информации, без единомышленников, без обилия музыки, а этого навалом, надо только знать каналы, места и людей.

— Единомышленники тем и хороши, что поделиться могут. В остальном, никакой от них пользы, — сказал Рома, — ты идеализируешь металлические тусовки.

— Конечно, я же их не знаю.

— Поверь — так, как воспринимаешь музыку ты, почти никто её не воспринимает. И оттенками впечатлений поделиться очень сложно. Да и не с кем, как ни странно, при обилии единомышленников.

— Я просто замкнуто живу, мало общаюсь, поэтому придумываю все сама, — растеряно ответила я.

— Поступишь в институт, общения станет больше. В вузах хватает любителей «интеллектуальной тяжести», так что скоро сама все увидишь.

— Но ведь со мной ты делишься впечатлениями и прочим...

— С тобой получается как ни с кем, — серьёзно сказал он, — мало кто тексты англоязычные переводит, просто под «тяжелая» трясутся.

День 12-й

Утром я позвонила Ленке — узнать, как у неё дела. Мама очень обрадовалась возвращению дочери, отец даже не заметил её отсутствия, а с друзьями она по-прежнему не общается.

— Завтра пойду в клуб. Одна! Я сказала брату о том, что произошло, он хочет разборку учинить, — усмехнулась Ленка.

— Звякни мне после всего!

Выпив чая вместо завтрака, я позвонила в кинотеатр и спросила, что у них идёт. Как оказалось, ничего хорошего. Какое-то время я не знала, за что хвататься — то ли к бабушке сходить, то ли Роме позвонить.

В два часа дня он позвонил сам, предложил вылезти на крышу. Замечательная идея, не была там с июня и, признаться, даже забыла об этом! Вытащила меня туда Анька — они с друзьями-соседями часто смотрели с моей крыши салют на 9-е Мая. А я уже десять лет живу в этом доме и только недавно узнала, что чердак открыт.

Рома приехал минут через сорок, и мы сразу отправились в соседний подъезд. На крыше лучше чувствуешь ветер, там совсем другой закат и близко небо. Там взгляд на свободу шире. Иногда раздражают провода от телевизионных антенн или когда кто-то лезет эти антенны поправлять, а потом норовит доложить родителям, что я тут песни пою с подругой. Но у бортиков ничего лишнего, особенно со стороны леса.

— Знаешь, моя жизнь в последнее время так изменилась, — сказал Рома, перекидывая ноги за край. Я, слегка поколебавшись, последовала его примеру.

Какое-то время мы молча смотрели на туманную пелену над лесом.

— Моя тоже, — ответила я, — естественно, не без твоей помощи.

— А ведь это здорово, правда? — засмеялся он.

Я кивнула.

— Один человек может открыть для тебя новый мир!

Я замолчала, не зная, что ответить. Сердце бешено колотилось, мне хотелось прыгнуть с крыши от затопившего меня смущения. Голова не кружилась и высоты я никогда не боялась, даже наоборот — я смотрела вниз, как загипнотизированная.

— Ничего просто так не бывает, — продолжил он, обняв меня за плечи. Я положила голову ему на плечо, и сразу стало легче — спокойно и безопасно, хотя под ногами пропасть в шесть этажей.

— Почему тебе так тяжело? — спросила я вдруг.

— Мне тяжело? Что ты, мне сейчас ну просто очень легко! — засмеялся Рома слегка натянуто.

— По стихам ясно. Тебе тяжело.

— Я сам порой не пойму, почему. Накручивал много. Это в прошлом.

Помолчав, он выдал:

— Я завидую тебе порой. Тебя все в жизни устраивает, хотя она далека от идеала. Ты принимаешь людей такими, какие они есть, тебе ничего не надо. Ты свободна от желаний и планов. Смотришь правде в глаза и честна с собой. Завидую твоей доверчивости воле Провидения. Мне многому надо учиться... не верится, что не так давно я был таким. Или не был?

Я закрыла глаза и потому поцелуй заметила не сразу — точнее, не ожидала. Почувствовав его, не поняла, что это. Целая вечность или сотая доли секунды — не знаю, сколько времени прошло. Я забыла обо всем на свете, даже о том, что не умею целоваться. Голова кругом...

Отстранившись, он извинился и сказал, что не сдержался. А что я, собственно, ждала? Пламенных признаний в любви? Но не извинений, это уж точно!

— В следующий раз сдержись, пожалуйста, а то я могу не так понять, — пробормотала я, хотя уже поняла все не так.

— Прости, этого больше не повторится.

Очень жаль. Лучше бы он меня с крыши толкнул! Ничего не в прошлом — сейчас стало только тяжелее, и тебе, и мне! Я помотала головой, чтобы не разреветься то ли от обиды, то ли от непонятного своего состояния, то ли от обманутых ожиданий. Изображение поплыло, и голова закружилась ещё больше.

— Эй, осторожнее! — Рома удержал меня на краю крыши, когда я незаметно для себя подалась вперёд.

— Да уж, не самое удачное место для поцелуев, — отшутилась я, высвободившись из его объятий и закидывая ноги обратно на относительно твёрдую поверхность.

Рома вскочил с бортика следом за мной и стал рассказывать по крыше взад-вперед. Господи, и зачем только? Не так я представляла себе первый поцелуй, совсем не так!

— Может, пойдём? — тихо проговорила я.

Он не ответил. Я обернулась к нему и тут же поймала его пристальный и какой-то измученный взгляд.

— Прости, пожалуйста... весь кайф обломал.

Насколько я поняла, исправлять он ничего не собирался. Я выдавила из себя: «не бери в голову» и подошла к люку. Машинально концентрировалась на отчаянном скрипе раздолбанных деревяшек, служивших дверцей, лязге гвоздей, шуршании шифера под кроссовками. После приземления на ступеньку бетонной лестницы и закрытия люка свет кончился, и мир погрузился во мрак вонючего подъезда. Шесть ступенек вниз и ещё девять перпендикулярно. Или десять?

На земле непривычно. И будто темнее, чем на крыше. До остановки я его провожать не стала — едва услышав пресловутое «пока», почти бегом бросилась в сторону своего подъезда.

День 13-й

Солнце палит нещадно. Жаркий ветер хлещет по лицу. Я, обливаясь потом, бегу по дороге через лес к озеру. Сама не понимаю, почему бегу. Меня распирает, надо куда-то себя деть, а не знаю куда.

На озере никого. Мне захотелось прыгнуть с разбега, не раздеваясь, сразу же! Но мысль об обратной дороге остановила. Я почти с яростью стащила с себя потные шмотки и прыгнула в воду с тарзанки. Супер! Вода — это жизнь, как ни банально звучит. Тучи затягивали небо, но не хотелось торопиться. Какая разница, где намочнута?

На обратном пути я попала под такой ливень, что и впрямь могла бы прыгать в озеро одетой. Прибежав домой, я полезла на крышу и стала петь «Дождь».

Классное лето. Чемпионат мира по футболу — первый в моей жизни от начала до конца. Памятный футбольный разгром в столице — когда наши японцам продули. Как-то Ленка пришла после практики, а я смотрела немцев с ирландцами.

— А почему гол не засчитали? — включилась в процесс подруга.

— Потому что офсайд, — ответила я.

— А что это?

— Это когда нападающий бежит перед защитником.

— Это плохо?

Вопросы блондинок порой ставят в тупик.

— Это против правил. Ворота некому защищать, кроме вратаря.

— А... а теперь что они там выстроились, яйца чешут?

— Штрафной бить собираются.

Ленка заливисто хохотала. Я разделила её задорное настроение, посмотрев матч глазами подруги. И сейчас вспоминаю это, когда хочу посмеяться.

Дома я закуталась в полотенце и стала смотреть на дождь с балкона. Над землёй медленно поднимался пар. Все это время была такая жара, что почва пересохла. Пар пеленой клубился над лесом, стелился по асфальту, заворачивал белизной в чёрной ночи.

Три товарища и мастер с Маргаритой, Фауст и «Кровь за кровь» «Арии». «Крематорий» и Маврик в старом кассетнике у бабушки. Философствования на крыше с Анькой. Короткая стрижка, которая сначала жутко расстроила, а потом понравилась, но всё-таки я решила отращивать волосы, как положено рокеру.

Рома. Можно сказать, я ждала этой встречи за каждым поворотом и уже свыклась, что ей не бывать. По крайней мере, не сейчас. Когда Анька уехала в лагерь, я осталась совсем одна. Мне её не хватает. Она бы вправила мне мозги своим романтизмом. Она мечтала не просто о друзьях. Она хотела влюбиться, и ей это частенько удавалось, в отличие от меня. Может и мне бы удалось, если бы не убивалась по прошлому и если бы кто-то видел во мне девушку.

Когда-то я носила юбки и не чувствовала неудобств, наряжалась на семейные торжества. Всех умиляла фотография, где двенадцатилетняя я, рослая для своего возраста, в белых колготках и в замшевых туфлях сестры, в тёмно-серой юбке и вязаном свитере. Волосы до талии — распущенные, кукольно-кудрявые от предварительно заплетённых косичек. И не лень было плести косички на ночь! Хотелось быть красивой и верилось, что это возможно.

— Ты тут как принцесса, — говорили школьные подружки, не знавшие меня такой.

Девушкой я быть не научилась — стала пацанкой, будто стесняясь происходящих с телом изменений. Ленка, наоборот, им радовалась, поэтому она была, что называется, маленькой леди, а мы с Анькой — сорванцами.

Но почему-то накатывали на меня меланхолии в обществе Ленкиных подруг. Когда они в большинстве, а ты затесалась случайно, всегда чувствуешь себя чужой. Якобы умнее и содержа-

тельнее и необязательно хуже внешностью — например Оля, Ленкина подруга, мягко говоря, неприязнительна, но, похоже, считает себя красавицей. Наверное, так считают и все вокруг.

Спать я легла в шесть утра, когда голова разболелась от слез и дурацких мыслей.

День 14-й

Проснулась в одиннадцать с ясной и чёткой мыслью, которую не решалась себе озвучить: я влюбилась. А что тут необычного? Мне шестнадцать лет, я встретила классного парня. И даже не с первого взгляда влюбилась, но какая разница... что странного? А само это чувство, все вокруг стало непривычным, и мир резко изменился — вот что. Как с этим жить, не знаю. Тем более, если это больше не повторится. Прости, не сдержался! Мне опять стало до слез обидно. Ну что со мной не так, если в меня влюбиться нельзя?! Чего он испугался? И зачем тогда вообще подошёл ко мне познакомился, продолжил общаться, звонил постоянно, снился нагло? Зачем все эти слова, молчаливость и задумчивость, комплименты и прочее?

Но я не могла на него злиться. Что же мне делать? Может всё-таки позвонить и спросить: «Ром, ты меня любишь? Я тебя люблю». Наверное, когда мне все надоест или окончательно сорвёт крышу, я так и поступлю. Жаль, я не знаю Данин телефон, чувствую, что с ней бы у меня разговор получился. Хотя, наверное, это неправильно — вешать на других свои проблемы или искать первой психологической помощи.

Ленка позвонила с новостями часов в семь. Они с братом пришли на дискотеку вместе, но шалашовок этих не было — разбираться не с кем. Леха на время уехал. Когда появилась зачинщица — Катя, Ленка позвонила брату, и тот вернулся с четырьмя качками. Схватил Катю и поволок её в сквер. Ленка не ожидала такого поворота событий и начала кудахтать, чтоб Леха не бил Катю, но догнать резвого братца не смогла. Когда она прибежала в сквер, Катя уже лежала на земле, а Леха нависал над ней и орал. Остальные девки хотели прийти на помощь подруге, но дюжий Андрюха (один из качков, приехавших с Лехой) рявкнул на них зычным басом, и они сочли за благо смыться. Чего ожидала Ленка, я, честно говоря, не поняла: брат на четырнадцать лет её старше, на фиг ему подростковые разборки? Или он погрозил бы Кате пальчиком и отчитал за непримерное поведение?

— Прикинь, она из города сюда на танцульки мотается! — щебетала Ленка в трубку. — Там в сто раз лучше, нет, она сюда ездит, чтоб повыпендриваться. А мне говорит, поезжай в город, если тебе тут не нравится! Ну не дура?! Я живу напротив клуба и должна таскаться за двадцать километров от дома!

— А чем она тут-то выпендривается? — вяло поинтересовалась я.

— Сотовый телефон на ремень вешает и танцует с ним.

Я расхохоталась. Ленке зачастую удаётся меня позабавить своими рассказами.

День 15-й

Звонок в дверь разбил на куски мой сон. Окно поменяло цвет. Торшер и музыкальный центр включены, потому что накануне я выпила банку «отвёртки» и заснула в зале, при свете и при музыке, да так до утра и не проснулась. Помню сквозь сон, ворочалась и потела, но так и не встала, чтобы нормально лечь. Я резко вскочила с дивана, и в голове зашумело, перед глазами поплыло. Звонок повторился, но открывать я не стала. Просто выключила свет и центр и поплелась на кухню, ставить чайник. Хреновенько мне, однако!

Проделав все просыпательные и реабилитационные процедуры, я прилегла на кровать в комнате предков, ибо слабость никуда не делась, и виделось все, как в фильме ужасов. Тут зазвонил телефон. Я сняла трубку, хотя никого не желала слышать.

— Привет, моя радость! — До боли знакомый и до умопомрачения любимый голос. — Как ты жива-здорова, может, встретимся?

Я нагло вру, что все хорошо, изо всех сил стараюсь хрипеть бодро и весело, глотая слезы.

— Давно не виделись, я соскучился, — произнёс его голос.

Слезы я больше сдержать не могла — они брызнули потоком, слава Богу, без громких рыданий — уткнулась в подушку. Я ужасно хочу его видеть, даже зная, что будет ещё больнее.

— Приезжай, — прошептала я.

— Солнышко, что с тобой? — чуть ли не в панике спросил Рома.

— Все нормально, — опять прохрипела я, — приезжай...

Видимо, голос всё-таки насторожил его. Сейчас испугается и не приедет. Никогда. И без такого солнышка проживёт.

— Уже еду, жди.

Ехать минут двадцать, ну полчаса. Я заставила себя отклеиться от кровати и пойти в ванную. Тщательно умывшись и отсморкавшись, я причесалась. Узрев своё отражение в зеркале, я вздрогнула: нос распух, а глаза, наоборот, стали пороссячьими. Кошмар! Что же делать? Нет, это плохая идея, надо было сказать, чтобы приехал через пару часов, а то и завтра. Сегодня не помешало бы проспать и побыть одной. Или научиться пользоваться косметикой.

Но он явился через полчаса, как я и предполагала. Как всегда прекрасен. А я? Ужас, говорить страшно. Я не преувеличиваю: едва увидев меня, он с лица сошёл.

— Ну-ка рассказывай, что случилось?

— Да ничего особого... — я стала ерошить волосы, одёргивать футболку. Хотелось провалиться на второй этаж, а можно и ниже.

— Просто меланхолия? — он расшнуровал кроссовки, и мы прошли на кухню.

— Вроде того, — я обрадовалась подкинутой идее.

Он сел на табуретку и хлопнул себя по колену, словно приглашая меня сесть. Я, недолго думая, приняла приглашение.

— А мне думается, не только в ней дело. Меланхолии без причины не бывает. Все ведь хорошо? Класс не выпускной, друзья есть, лето отличное, квартира свободна... удалась мне эмпатия?

Я кивнула. Взгляд его выдержала с великим трудом. Ещё немного, и я опять разревусь или выпрыгну из окна. Вместо этого я обняла Ромкину шею одной рукой. Притворяться невозможно, врать, что все в порядке — бессмысленно. И как прежде уже быть не может — не после этого дурацкого поцелуя на крыше, а после того домашнего киносеанса.

— Конец нашей дружбе, вот в чем дело, — выдохнула я. Как в ледяную воду прыгнула, но терять уже нечего.

— Ах, вот оно что! — он радостно улыбнулся, прижимая меня к себе. — Знаешь, как раз об этом я и хотел с тобой поговорить. Нашей дружбе рано заканчиваться, она только началась, правильно?

— Угу, — ответила я, уткнувшись носом в его макушку.

— Вот и славненько. А перерасти в нечто большее она вполне может, верно?

Я снова угукнула.

— Я рад, что ты согласна, а то измучился со своей любовью. Не спал две ночи, винил себя во всех смертных грехах. И решил, что больше незачем. И извиняться не за что, правда?

Ответить я не успела, так как его губы уже коснулись моих. Слова больше не нужны. И слезы тоже. Так мы сидели, обнявшись на кухне, делясь друг с другом теплом, которого в наших молодых сердцах ещё предостаточно.

— Кстати, — заговорил Рома через несколько минут, — ты мне поход в кафе обещала, помнишь? Пару недель назад.

— А мы там так и не были? — опомнилась я.

— Не были, — улыбнулся он, — ждали повода, наверное, вот он и появился. Теперь есть, что отпраздновать.

— Что ж, всему своё время...

— Тогда собирайся!

2002 — 2017

Сказка о любви

Глава 1

Он точно видел ее раньше — таким знакомым показалось лицо. Не мог припомнить, где и когда встречал ее — то ли во сне, то ли в толпе прохожих.

Пасмурный осенний день. Она, как и все, куда-то шла. Не бежала, а именно шла — размеренно, неторопливо, хотя в дождливые дни все движется быстрее. Позже он долго жалел, что не остановил ее. Она так и проплыла мимо, слегка улыбнувшись ему. А может и не ему, но от ее улыбки стало теплее.

У каждого города своя душа. Если в яркой и солнечной Одессе песни поют веселые и летние, то дождливый и депрессивный Питер недаром явил миру такое количество легенд русского рока. Какая же душа в этом городе?

В кафе, куда он зашел, играла солянка из «Нирваны», Оззи Осборна, Стинга, «Оазиса» и «Дип Перпл», что порадовало, но увы — это песни других городов. Кофе здесь хороший, только чашки маленькие. Спешить некуда: домой не хочется, а мокнуть под дождем тем более. Полумрак дает отдых глазам.

Улыбка этой девушки напомнила, что он не один — ни в городе, ни в мире. Так может улыбаться только человек, который все понимает. Конечно, это глупости — не в том он возрасте, чтоб верить в любовь с первого взгляда. А вот влюбленность — дело другое. Почему бы не влюбиться — хотя бы в светлую улыбку промозглым осенним днем?

И вдруг в знакомой рок-подборке послышались облегченные нотки: *you killed me with your smile, so beautiful and wild, so beautiful...* Голос узнаваемый, но никак не мог вспомнить, где слышал его. Конечно, слышал, даже знает эту группу, но забыл. И решил спросить у блондинки за соседним столиком.

— Парень, ты телик не смотришь? — она вскинула неподъемные ресницы и округлила полупустые глаза. — Они из каждого утюга звучат.

— Не смотрю, — ответил он, — кто же это?

— Не помню названия...

Какое разочарование, когда миловидная девушка говорит, как портовый грузчик! Интересно, а какой голос у той незнакомки в толпе?

* * *

Она подрабатывала на радиостанции местного значения под названием «Нафталин-fm». Организовал это дело меломан-энтузиаст, и, кроме самовыражения и небольшого дохода от рекламы, это ничего ему не давало.

Работа ей нравилась — музыку крутили хорошую, в основном классический рок 80—90х или качественную западную поп-музыку. Коллектив подкованный, музыкально грамотный и буквально пронизанный рок-н-роллом.

Радиостанция локализовалась в небольшом помещении, поделенном на несколько офисов. Один из них офисом нельзя назвать — полупустая комната со старым граммофоном, полками пластинок, диваном и роялем.

У нее вечерний эфир в пятницу. После рабочей недели, в преддверии выходных, она крутила рок-баллады или спокойные композиции, которые почти не требовали комментариев. После полуночи, когда радиовещание прекращалось, она оставалась в студии, не желая трагиться на такси. До пяти утра она слушала музыку или читала, хотя можно и поспать на диванчике в углу. Впрочем, поспать она могла и дома, а здесь есть то, чего дома не найдешь — оди-

ночество и тишина. Ночью во всем здании оставалось человека два по разным углам. А еще можно поиграть на рояле в соседнем офисе, благо звукоизоляция классная.

Сегодня какое-то октября, середина нудного дня. Она зашла на радио потому, что больше некуда пойти.

В студии сидела Инна — веселая девчонка, общение с которой ни к чему не обязывало, а порой отвлекало. Инка принимала звонки от слушателей, а также приветы и пожелания в виде смс-сообщений.

— Хорошо, что зашла, а то сижу тут одна, со скуки пухну! Чаю хошь?

— Кто в такой денек откажется от чая?

— Представляешь, моя любовь кинул меня ради другого! — сменила тему Инна.

— Как это *другого*?

— А вот так! Голубым оказался, гад! В моей жизни было две любви: первая удрапала к сорокалетней женщине, а этот — к сопливому гомику! После первого кидалова я уже мало чему удивляюсь, но все-таки...

— Куда мы катимся! — самой себе сказала она.

— Я подружилась с обоими, так что теперь у меня две хорррооооошие подруги! Только шмотки с ними выбирать невозможно: тебе вроде и это идет, да и это неплохо, а вот это смотря с чем носить, с красным такого не наденешь, в этом ты корова... в общем, весело, — резюмировала Инка.

Звучащая в тот момент песня закончилась, Инна включила громкую связь. Звонил парень, не знавший, какую песню хотел заказать и кто ее исполняет.

— Я только вчера услышал, даже мелодию толком не запомнил, — донесся приятный голос из телефона, — там были такие слова: *you killed me with your smile, so beautiful and wild*, что-то такое...

— А, ясно! Она и мне нравится, спасибо за звоночек! — проворковала Инна. — Группа Reamonn, песенка Tonight, поехали!

— Надо же, кому-то кроме меня нравится эта песня, — усмехнулась она, — отовсюду только и слышишь, как ее везде закрутили и как она всем надоела.

— Да ладно, милая песенка, — развела руками Инка, — я даже клипа не видела...

Песню они слушали молча, что кстати: разговоры о меньшинствах ей опротивели. Она не могла понять, почему подобные отклонения вдруг стали модными. Мир катится в пропасть, а все смеются. Как над шутками в фильмах, где кто-то макает кого-то головой в супницу.

Уходить не хотелось, но и задерживаться не было смысла. Куда идти, она не знала, и зачем-то сказала об этом Инне.

— Вот странный ты человек все-таки! — хохотнула та. — Во всем смыслы какие-то ищешь. Иди, погуляй, задавшись целью прошвырнуться, подышать. И все. Понимаешь?

— Кажется да, — засмеялась она, — спасибо за совет.

Глава 2

Осенние коллажи.

Он:

Все теряет смысл в секунды. В разные углы сознания улетают сны, мысли путаются, не обретая словесной оболочки. Цитаты из книг, чужие постулаты и прописные истины заменяют собственное мнение и жизненное кредо.

Вокруг снова город. Под ногами дорога, и с грохотом проносятся по ней железные коробки, обдавая воздушной волной. Я всегда неправ, хотя мои мысли изначально благи. Убивая, я умирал сам. Нет сил отхаркнуть комок боли с души. Нет слов, нечем плакать и страшно вспоминать.

Я лечу по лабиринтам жизни, цепляясь за знакомые ноты, за чужие слова. Моя машина времени совершенна, никогда не дает сбоя. И вот уже совсем скоро можно будет пинать золотые листья, а значит, самое красивое впереди. Скоро вновь почувствуем запах дождя и дыхание тумана. Оранжево-серый вихрь подбросит волну грусти и сладкого одиночества, поэтической потерянности и тем для новых стихов.

И снова мягкий шарф, полупустой троллейбус с местом у окна, низкое небо и неоновые вывески за дождем. И горячий чай. И город... шум, толпа, маршрутки. Бурлящий муравейник, где каждый в своей суете, и не пересекутся здесь нити жизни. Даже на миг. Приветствия холодны, взгляды скользки и пусты, жесты равнодушны, слова бессмысленны. Все заперты в себе. Город одиноких башен.

Сказать бы — давай убежим, уйдем навсегда, умрем для того мира или хотя бы для города. Спрячемся в холодной квартире, под пледом, обнявшись, будем молча слушать «Пинк фloyd». Будем внимать серо-оранжевой песне осени в стуче голых веток об оконное стекло. Останемся одни, без ненужных слов, с общим теплом. Где-то вдали суета и так называемая жизнь — за поворотом, за деревьями. А мы — здесь, вдвоем.

Я часто говорю сам с собой и не замечаю. Наверное, мне на всю жизнь хватит собственного общества, а «ты» — просто блажь или обращение к себе самому.

Она:

Чего ради?

Я мысленно обращаюсь к тебе, стоя на скользком подоконнике. Дождись.

Холодное осеннее утро, лишённое надежды. Костлявые ветви тополей царапают свинец плачущего неба. Серая дорога вьется змеей совсем близко, под ногами. Голый лес — родной и некогда красивый. Весной и летом, но не сейчас. Все хорошее происходит весной и летом.

Я все еще мечтаю. Иногда о тебе. Просто думаю, как сложилась бы жизнь, будь ты рядом. Надо учиться говорить «прощай». Не бояться слов «никогда» и «навсегда».

Когда привыкаешь к боли, когда кроме нее ничего не остается на сердце и в жизни, перестаешь ее ощущать. Она давно парализовала волю и надежду. Она все победила.

Люблю смотреть на поезда. Только слушать их рев не люблю, но без него никак. Здесь, на тихой станции за чертой города, немного спокойнее. В городе никогда не чувствую себя спокойно. Машины, люди, вонь, шум, некуда деться... на каждом углу, на каждой остановке, в торговом центре и в любой маршрутке можешь напороться на препода, от которого драпаешь. Забываю, что могу встретить тебя... да, могу. Но ты — явление редкое, почти неуловимое. Я бы рада тебя встретить, но незачем. Сказать нечего, а опускать глаза надоело. Мы взрослые люди, хотя бы внешне. И вести себя надо соответственно.

Лавки холодные. Жаль, посидела бы подольше, послушала поезда. Пронесются мимо, их никто не встречает, станция пуста в такой час. Сегодня пять пар, а у меня выходной. За свой

счет. Когда акустика «Скорпов» в плеере начала надоедать, я стала слушать отдаленный лай собак и стук колес. К реке пройти не удалось. Грязно. Если б топиться шла, было б все равно, но... значит, еще есть надежда.

Возвращаюсь домой — к холодным сарделькам, разбитым пластинкам, грязным полам и невымытой посуде. Или как там у Майка? Весело у него. До слез.

«Дома темно, шорохи, скрипы сводят с ума». И подоконник. Я убийца. Мстительный, гордый, пустой человечиска, готовый на все обижаться и чуть что — бросаться из окна... удивлен? Но надо же хоть себе признаться!

Чем дальше в жизнь, тем меньше желаний. И все чаще мне видится картинка: стою на дороге, на холодном ветру, прячу нос в любимый шарф, смотрю куда-то, где ты... и вдруг слышу свое имя. Оно кажется мне странным неправдоподобным, нездешним, будто из сказки... я кручу головой, ища того, кто называл это имя, кто его еще помнит. Потом я понимаю, что это голос в моей голове. Я слышу его так явно, что сама верю... все чувства обострены. Будто нерв натянутый, вечно в напряжении: прислушиваешься, приноживаешься, протягиваешь руки. И вот голоса в голове становятся громче. Программа дала сбой, я схожу с ума. Мне теперь часто слышатся несуществующие звуки.

Темные тучи ползут по небу. Холодный ветер в лицо. Я жду. Чего? Не знаю. Я лечу. Куда? Не помню....

Прости.

Глава 3

Работу свою он раньше любил, но со временем она ему опостылела. Сегодня он «развеселился» еще раз благодаря ей: Ника перестала с ним разговаривать без всякой причины, ничего не объясняя, просто не ответила на приветствие, а когда он спросил, в чем дело, тоже промолчала. Ну что за детский сад! Неужели нельзя четко и ясно сказать, что не устраивает? Мало того, что переводчиков и так стали считать людьми второго сорта, так и общением не удостоили.

Что за люди работают в этой фирме? В основном золотая молодежь, которую родители устроили вкусить жизни. Они либо еще не поступили в институты, но обладают нужными для этого способностями или кошельками, либо такие как он — окончившие вышеупомянутое заведение, но не нашедшие (пока) более серьезного места. Стартовая площадка. Здесь он вроде по специальности, и если бы не коллектив, чувствовал бы себя нормально. Зарплата устраивает — при его запросах. Такие, как он, живут в книгах и в Интернете, а не в шикарных квартирах, напичканных умной техникой.

Он знал, какие надежды лелеяли девушки: после окончания вуза найти интересную работу, желательно в столице — только там и можно «развернуться», а, глядишь, и подвернется богатый, красивый мужик с пропиской, нарожают они хороших беспроblemных детишек. Мечты парней не слишком отличались от девичьих: деньги, престижная работа, руководящий пост, эксклюзивные шмоточки, дорогие машины, отпуск на Бали и видная жена, с которой не стыдно выйти в свет. Может, они этого и заслуживают...

Сделав положенную порцию переводов, он вышел из серого здания и пошел к автобусной остановке. Буквально год назад сама мысль о подобной жизни приводила его в ужас: вставать в семь утра, давиться в транспорте, отсиживать восьмичасовой рабочий день, возвращаться в съемную пополам с соседом квартиру, готовить скудный ужин, а остаток вечера путешествовать по сети или читать. Впрочем, только остаток вечера его и устраивал, а боялся он именно первой половины дня, которая пугает большинство молодых людей. О какой жизни он мечтал — точно не мог сказать: мы прекрасно знаем, чего боимся, но не то, чего желаем. Происходит все с точностью до наоборот: то, что пугает, оказывается не таким уж страшным, а то, о чем мечтаем — и желаний не стоило.

Город простирался между горловиной свитера и козырьком черной кепки. Ни неба, ни земли, а значит, меньше серого цвета в обзоре. Он шел домой с остановки и, решив купить чего-нибудь на ужин, завернул в ближайший супермаркет. Пока стоял в очереди к кассе, приглядывался к людям... неужели ее занесет сюда! И зачем только он выхватил лицо этой девушки из толпы?

Город в сумерках выглядел романтично. Небо окрашивало мягкой синевой высоты и наткнулось на голые ветви деревьев. А потом пошел снег. Крупные хлопья легко опускались на дорогу. Свет фонарей выхватывал их из темноты, и, казалось, они вихрем кружатся только в оранжевом сиянии, а за пределами луча ничего нет. Сгушалась темнота.

Скрипучая дверь. Станные мысли приходят в голову, когда идешь по темному коридору, особенно если он достаточно длинный, чтобы подумать.

Офис ярко освещен и шумен. За пультом еще сидит Сережа, но скоро он уйдет, и она останется одна. До утра. А потом надо будет решать, куда идти, но сейчас думать об этом не хотелось. Она села на диван в углу и, обхватив голову руками, долго-долго смотрела вникуда, пока Сережа не сказал, что уступает ей эфир, и не спросил для порядка, что случилось. Так же дежурно ответив «ничего страшного, не волнуйся», она села за пульт и задумалась, какие песни

будет ставить. Ей все равно, что слушать — всю дорогу она только и делала, что прокручивала песни на флешке.

— Может, домой пойдешь, а я покручу за тебя? — предложил Сергей, — видок у тебя неважный.

— Не волнуйся! — она попыталась улыбнуться, но получилось натянуто. — Домой не пойду.

— Ну, как знаешь...

Stiltskin, Blackmore's Night, Godsmack и Faith No More пролетали мимо ушей или воспринимались как фон. Навсегда эти песни останутся в ее памяти как «осенние».

Она вскипятила чайник, порылась в ящике стола, нашла пачку чая и стала искать какую-нибудь емкость, где его заварить. Не найдя ничего, поставила очередную песню и побежала на поиски в соседние помещения. За четыре минуты много не обойдешь, но ей повезло. Проходя мимо комнаты с роялем, она остановилась возле двери и, постояв недолго, решила позже зайти и поиграть. Ей уже все равно, помешает ли она кому-то, уволят ли ее за это. Ей просто *необходимо* прийти сюда. Радовало, что комната пуста и поблизости никого нет. Она так давно не играла, тем более в одиночестве, как всегда любила. Слушать ее многим нравилось, только ей не нравилось играть кому-то. Она не могла до конца раскрыться и не думать ни о чем, кроме музыки. Именно сегодня подходящий момент, чтобы впустить в сердце свет и дать ему глотнуть свежего воздуха, хотя бы на миг.

Вернувшись, она заварила чай, достала из сумки «сникерс» и закинула в плейлист еще десяток песен Филя Коллинза, Брайана Адамса, Ричарда Маркса, Криса Ри, Брюса Спрингстина. Теперь можно насладиться покоем.

Едва наступила полночь, она выключила пульт, не дав последней песне доиграть, и побежала в соседнюю комнату. Фиолетовый свет фонаря выбелил кусок рояля и фрагмент дощатого пола. Причудливо колыхалась в этом свете тюлевая занавеска, а цветы на окне отбрасывали клокастые тени. Включать свет необязательно — его достаточно, чтобы отличить белую клавишу от черной.

Пальцы стали непослушными и вялыми. Конечно, она знала, что надо разыграться, но все равно расстроилась — на душе наболели более выразительные переживания, а приходится тратить время на технику. Через пятнадцать минут пальцы забегали шустрее. Она стала вспоминать все, что играла когда-то. Смутно помнила песни, которые подбирала, а те, что сочиняла сама, к ее немалому удивлению, забылись. Они стали чужими, словно не она продумывала каждое соло, которое многим казалось импровизацией. Хотя, не то настроение, чтобы играть свои песни. За роялем оно подразделялось на три вида: играть свое; играть чужое; подбирать новое. Сейчас душа металась загнанным зверем. В таком состоянии лучше бить по мешку, чем ласкать клавиши.

Глава 4

Он не любил ложиться рано и в выходные мог себе позволить засидеться. Скачал из Интернета все, что нужно, настроился там же на радиостанцию с веселым названием — ту самую, на которую звонил и заказывал песню «Рэймона». Сеть была для него вторым домом, а компьютер заменял телевизор, радиоприемник, стереосистему, книжный шкаф и друзей. Часто к концу дня он видел все в красных тонах, а глаза слезились. Визит к окулисту откладывал, ссылаясь на нехватку времени. Ждал, когда станет неспособен.

В холодильнике пусто, а есть по ночам хотелось. Он пошел в круглосуточный магазин не столько чего-нибудь купить, а прогуляться. Размяться и проветрить раскаленные мозги. Холодный ветер и пушистые снежинки — восторг! Улицы сменяли друг друга, магазин, в который шел, остался далеко позади, но, сколько прошло времени, он не знал. Как хорошо — просто идти! Сидячая работа никому не на пользу. Он шагал по городским дорогам с жадностью, набирая скорость, будто боялся, что разучится ходить.

Он давно свернул с проспекта во дворы, петляя между домов, грязными убогими улочками, мимо стоянок и заборов, где вместо асфальта ухабистая, влажная от снега земля, изрезанная колеями. Света мало, людей и того меньше, а тишину нарушало отдаленное гудение машин и лай собак. Он уже не шел, а бежал. Будто разорвал черное покрывало на душе и глотнул свежего воздуха. Будто все это время задышался в темноте...

Он остановился у какого-то здания. Затормозил резко, на полном ходу, но не перевести дух, а потому что услышал музыку. Кто-то играл на пианино, причем слышно очень хорошо. Он стал у окна, из которого, как ему казалось, доносилась музыка, заглянул в него, но ничего не увидел, кроме своего отражения: в комнате не горел свет. Он долго вглядывался в темноту, но не смог увидеть ничего, кроме отраженных от стен полосок фиолетового света.

— Эй, парень, ты че тут забыл? — послышался голос рядом.

— Ничего, музыку слушаю, — растеряно ответил он.

Сторож хмыкнул в ответ.

— А кто играет, не знаете?

— Да девчонка какая-то, работает тут.

Видимо, он не последний чудака на свете...

Что подбирать, она все-таки решила, вспомнив недавний звонок на радио: Tonight. Песня милая, романтическая и пропитана такой нежностью, которой ей сейчас не хватает.

Пальцы неуверенно нажимали аккорды наугад, но ни один не подходил. Она минут десять наигрывала музыку и напевала фразы, которые помнила. Но почему-то обычного воодушевления, которое бывает, когда что-то получается, не ощутила. Она посмотрела в окно, дабы отвлечься от игры. Это удалось: у окна маячила какая-то фигура. От неожиданности она вздрогнула, но вскоре поняла, что человек за стеклом ничего разглядеть не может. А что здесь разглядывать? Она хотела встать из-за рояля, подойти к окну, но в тот же миг фигура исчезла. Уже через секунду она решила, что у нее разыгралось воображение.

Играть расхотелось. Настрой улетучился, будто кто-то подслушал ее тайные мысли. Она закрыла рояль и опять взглянула в окно. Никого нет, зато снега намело! Как же утром домой добираться?

Словно черная туча повисла над ней. Она тащила ее за собой, выходя из комнаты в маленькую студию, к диджейскому пульта, к стойке с дисками. Суровая действительность так неприглядна по ночам, да еще когда мерещится всякое. Заперев дверь на ключ и выключив свет, она легла на диван, заведя будильник на шесть утра, и погрузилась в некое подобие сна или тяжелого забвения.

Ей снился серый проспект, осенний день и приятельница из института, с которой они как-то, кажется, прошлой осенью, вот так шли по этому проспекту во время большой перемены, и говорили о каких-то пустяках. Потом собеседница ее сказала, что нигде не может найти последний альбом «Рэймон» с той самой песней, которая ей нравится. В каждом музыкальном магазине спрашивает, а нигде нет, представляешь досада!

— Если найдешь, скажи мне, — попросила она, — мне эта песня тоже нравится.

От звонка будильника она проснулась, как обычно, разбитая и немного ошалевшая. Словно все это было с ней раньше...

Утро темное и холодное, к тому же субботнее. Народу на улицах практически нет, пассажиров в автобусе — тем более, а если и есть, то такие сонные, что никто не обращал друг на друга внимания.

Куда?...

Глава 5

Она знала, что только она видит внешний мир через стекло, а снаружи — просто зеркало. Город движется будто в замедленной съемке, в немом кино. Казалось бы, мечты сбываются: можно почувствовать себя героиней песни Сюзанн Вега Tom's Diner. Только она почему-то чувствовала себя персонажем совсем другой истории, рассказанной Филом Коллинзом в песне Another Day in Paradise.

Одной чашки кофе мало, чтобы согреться и прийти в себя. Заказала еще. На сколько денег хватит до следующей зарплаты или стипендии? А потом наступит зима, и шататься по городу не захочется — сейчас-то не очень тянет, выбора нет. А кто-то говорил, что выбор есть всегда. В книге Стивена Кинга, которую она недавно дочитала, сказано, что жизнь состоит из выбора и расплаты. Выбор чаще всего поганей некуда, а платить приходится несоразмерно. Да, лучше и не скажешь, особенно в той ситуации, которую ей приходится наблюдать — хуже всего именно это. Смотреть, как кто-то расплачивается за сделанный выбор, невыносимо. Пусть даже расплата справедлива, пусть это необходимая школа жизни, но все равно... невыносимо. Этот человек часто говорил: «Если не можешь изменить ситуацию — измени отношение к ней». Когда ситуация коснулась его, забылись психологические бредни. Слова-то забылись, кроме годных для жалоб и ругани.

Дверь кафе открылась, по ногам прошел холодок. Зря она села так близко к входу.

Она готова была поклясться чем угодно, что видела вошедшего раньше, но не помнила, когда и где. Только тогда на нем была кожаная куртка, а не черный плащ, и волосы не были мокрыми. И еще, тогда он шел степенно, будто нездешний.

Молодой человек огляделся и, конечно же, поймал ее взгляд. Увидев ее, улыбнулся, и она улыбнулась в ответ — совсем как в тот самый день, когда они встретились в толпе. Он робко подошел к ее столику.

— Присаживайтесь, — сказала она, кивнув на диванчик.

— Спасибо, — ответил он, — кажется, я видел вас раньше...

— И я вас! Даже вспомнила где и когда.

— Да, тот раз я помню, но, по-моему, я встречал вас до того.

Ответом был ее озадаченный взгляд.

Он представился, пристраивая плащ на вешалку. Она тоже назвала свое имя и предложила перейти на ты, чтобы не звучать слишком официально.

— Ты учишься? — поинтересовался он.

— И работаю иногда, — рассмеялась она, — на радио.

— Где?!

Она повторила.

— Может, кофейку выпьешь, а то как-то странно так сидеть...

Он кивнул и подбежал к стойке. Спустя несколько минут вернулся к новой знакомой:

— Знаешь, вопрос, наверное, глупый донельзя...

Она опять улыбнулась, подбадривая.

— Не ты вчера ночью там на пианино играла?

Встречи бывают разными, абсолютное большинство банальны, как сама жизнь. Вот и их встреча — в кафе. Два незнакомых человека, которым показалось, что они друг друга где-то видели... банально. Но весело, потому что они встречались, наверное, сотню раз.

— Значит, мне не померещилась тень за окном?

— Я топтался там, пока меня охранник не засек! Сначала я подумал, что там магнитофон работает, только и всего — ну какой нормальный человек будет ночью на пианино играть, да еще в темноте!

— Нормальный не будет, — вздохнула она, — жаль, что этот сторож утром ушел. Я хотела спросить, шастал ли кто ночью у окна «рояльного» кабинета.

— Я не шастал, а просто слушал.

— Значит, и ты не очень нормальный.

— Нормальней некуда. До тошноты...

И он стал рассказывать ей о своей жизни, о которой раньше видел кошмарные сны, о надоевшей работе, о сотрудниках, о родителях, которых не навещал уже месяца два. Она слушала не перебивая, то улыбаясь, то хмурясь, то слегка кивая.

— Хочешь бросить работу? — спросила она, когда он закончил повествование.

— Да, подумываю.

— По-моему опрометчиво уходить в никуда.

— Ой, давай сменим тему, меня уже мутит от цифр и денег!

Они заговорили еще о музыке, о книгах, о мечтах и проблемах. Будущего ни у кого из них словно не было, никто не заикался о планах, стремлениях и даже о завтрашнем дне.

Обменявшись телефонами, они простились на автобусной остановке. Никто из них не был уверен в том, что новая встреча состоится. Она ему, конечно, не позвонит. Он же скоро закрутится с поиском новой работы и забудет об этом случайном знакомстве. Ожидания всегда красочнее, чем ожидаемое. Она на сто процентов уверена, что он встретил на улице совсем не ту девушку, какой она в действительности была. Ему понравился образ, и он повесил на него качества, которые вовсе ей не присущи. Вместо человека, который все понимает, он встретил еще одного с камнем на сердце. С ней подобное случалось: она влюблялась не в людей, а в их голоса, улыбки, запахи, во впечатление, которое они производили. Многие всю жизнь влюблены в воспоминания молодости, ведь именно тогда восприятие острое, а жажда чувств сильна.

Хотя, не исключено, что одного разговора окажется мало для разочарования.

Глава 6

Весь день он не мог поверить, что такое бывает: заходишь в кафе, а там сидит девушка, о которой неделю думал и, что скрывать, искал в толпе. Как приятно знать, что первое впечатление не обманывает! Она оказалась именно такой, какой он представлял. Впечатления омрачало одно: ее молчание. Он душу наизнанку вывернул, а она о себе почти ничего не рассказала. Хуже всего, что тогда он этого не заметил. Так всегда: насидишься в своей берлоге, намолчишься, а потом выливаешь свои беды на того, кто готов слушать. Видно, ее что-то мучает, и хоть улыбается часто, но как человек, прячущий боль за улыбкой.

Он позвонил ей на следующий день. Погода на удивление солнечная, хоть и прохладная. Предложил погулять — обидно дома сидеть.

— Действительно, — согласилась она, — можно ворошить золотые листья. Наконец-то.

Он был уверен, что она любит осень.

— Тогда лучше по парку, в городе золото уже замели дворники.

Он пытался разговорить ее и узнать о ней как можно больше, но на вопросы она отвечала односложно, неохотно и грустно. Иногда они шли по аллеям молча, пиная листья, которые то и дело падали, внося вклад в уже слежавшийся ковер. Она с интересом смотрела под ноги, на желтые лапы кленов, держа руки в карманах плаща, а он все задавал ей дурацкие вопросы про учебу, планы после, ее интересы и увлечения... О музыкальных вкусах он уже знал, но не забыл и о том, что музыку можно любить по-разному: дергаться на танцуйках, восхищаться внешностью музыкантов, переводить тексты, ходить на концерты или рисовать образы, связывая музыку с жизнью. Об этом он и сказал ей, и получил интересный ответ:

— Книги тоже можно любить по-разному: глотать за ужином или выписывать цитаты, упиваться сюжетом или стилем, воображать себя на месте героя или чем-то время занимать. А то и вовсе — картинки смотреть.

Он рассмеялся.

— А тебе часто приходилось переводить художественную литературу? Извини, что о работе, просто любопытно...

Он улыбнулся. Переводить приходится в основном технические и экономические тексты, а художку присылают редко. Разве что отрывки по чьей-то просьбе.

— Это ж, наверное, жутко скучно.

— Да уж. Лучше поговорим о книгах.

— А, книги... ты ответил, кстати?

— Ну что тебе сказать? Картинки меня не интересуют. И на ужин мне есть, что проглотить. А вот с цитатами идея хорошая, упиваться можно и сюжетом, и стилем. Переводчики машинально придираются к стилю, болезнь такая, так что книги только с одним компонентом я считаю неполноценными. Я люблю читать подлинники, а не чужие переводы... что касается английской и немецкой литературы, конечно.

— Не сомневалась. Не знала, что ты еще и немецкий знаешь.

— Знать-то знаю, но не работаю с ним.

— Английский не учит только ленивый, а вот немецкий и французский большим спросом пользуются, так что твое время настанет.

Солнце скрылось в набежавших тучах, и ветер принес запах зимы. Она молча застегнула плащ, а он предложил ей зайти куда-нибудь погреться. Плащ ее — смех один по такой погоде.

Он заказал ароматного чая и чуть ли не целый стол пирожных и тортов.

— Странно как-то, — задумчиво произнесла она, — общаться просто так.

— Что значит «просто так»?

— По-дружески, бескорыстно.

Пару минут он молчал, обдумывая ее высказывание.

— По-дружески ведь всегда бескорыстно...

Она звонко рассмеялась и посмотрела на него почти снисходительно.

— Может, у тебя не было настоящих друзей...

— А у тебя были? Или есть?

— Если бы они у меня были, я бы меньше за ящиком сидел и меньше книг читал, — отозвался он.

Друзьям нужен не ты как есть, а карманный переводчик, ходячий МРЗ-плеер, человек-оркестр, горячий чай и свободные уши или сплетник. Реже — приятный собеседник, а еще реже — зануда, говорящий о том, что его не устраивает в друзьях или в жизни. Он давно понял, что друзья и родственники ждут лишь одного: чтобы он был им удобен. Он не ее пытается убедить в обратном, а себя.

— Ну, если так рассуждать, и я с тобой не просто так сижу, — он развел руками.

— Знаю, — ответила она, — тебе не хотелось сидеть одному или перед ящиком, а прогуляться не с кем, правильно?

— Неправильно, — буркнул он, — я хотел, чтобы *ты* не сидела одна и чтобы *ты* подышала свежим воздухом, пока он еще не холодный.

Она поблагодарила — с легким замешательством, казалось, едва удерживаясь от колких замечаний.

— Но почему?

В голове крутились два ответа. Первый: «потому что ты мне нравишься» и второй: «потому что я слишком много болтал, и это неправильно».

— Давненько я никого не потреблял, уж тем более с такой целью, как простое человеческое общение. Хотел, было потребить родителей, но передумал.

— Дурак дурака видит издалека... тебе не нужен музыкант в группу? Или комната отдыха? Массажистка с сексуальным уклоном?

— Щас разревусь, обижусь и убегу!

— Остайся, ты мне нравишься.

А потом была тишина, как песня Blind Guardian. Он перевел дух, не зная, что на это сказать, а она опять рассмеялась.

— Мы отвлеклись от темы, по-моему, — изрек он, доедая шестое пирожное.

— Да, я сказала, что странно общаться просто так. По-твоему, тема не раскрыта?

— Я хотел сказать... так, что же я хотел сказать? Что за манера перебивать! — посетовал он. — А, вот! у меня было два года, чтобы подумать над этим вопросом, и я пришел к выводу, что... не перебивай! Что теплота общения — это самое теплое тепло, которым мы можем поделиться. В смысле, не только мы с тобой, а вообще, люди...

— И как, тепло тебе со мной? — усмехнулась она.

— Семь потов сошло! Хотя, наверное, сам напросился, ты права. Причем, напрашивался еще до нашей встречи.

— Но мог бы убежать, никто не держал.

— Держал, — он понизил голос до шепота.

Она вопросительно взглянула на него.

— Девять недоеденных пирожных.

Глава 7

В институт она пришла в длинной черной юбке, красном свитере и полусапожках на каблучке. Такой ее никто раньше не видел, да и она нечасто видела себя такой. На улице ветрено, и тяжелая ткань юбки путалась в ногах, но как ни странно, это не доставляло неудобств. Привыкнуть можно.

В 12:30 она приехала к подруге в парикмахерскую. Лина ждала ее: они договорились еще вчера по телефону. Наконец-то срезать сеченые концы и надоевшие длиннющие лохмы! Полчаса — и красавица. Лина сразу заметила смену имиджа и сказала, что подруга отлично выглядит.

Он как-то сказал, что ему нравится ее внешний вид, и ее это удивило — вроде она далека не только от сексуальности, но и от женственности.

— Короткие юбки, декольте и шпильки — это вовсе не значит сексуально.

— А что сексуально?

Оказалось, тонкое запястье с массивным браслетом, когда рукав шерстяного свитера или мужской рубашки чуть закатан. Завитки волос, выбившиеся из высокой прически. Серебряный ручеек цепочки вокруг тонкой шеи. Джинсы с высокой талией, которые носили в девяностых. Узкие щиколотки. Аромат, который чувствуешь не дальше, чем в трех сантиметрах.

— Можно выглядеть совсем не женственно в кружевном платье — одежда вообще не при чем. Дело в женщине. Если она остается женщиной в драных джинсах и толстовке с капюшоном — это сексуально.

Ей захотелось вытащить на свет Божий эту женщину, которой она запрещала себе быть, не умея найти компромисса между силой и мягкостью, целеустремленностью и гибкостью. Ту женщину, которую он в ней разглядел.

Едва она оказалась дома, раздался телефонный звонок.

— Угадай, за какую фразу Чеда Крюгера можно обожать? — невеселый голос в трубке.

— I felt like shit when I woke up this morning, — предположила она.

— Умница! Так вот, проснулся я, почувствовал себя этим самым... и ушел с работы. Никогда не умел интересно рассказывать.

— Как ощущения? — она присела на стул в прихожей.

— Трудно описать пристойными словами. Я только заявление написал, а так еще две недели горбатиться. И на выходные обязательно поеду к родителям, пора за ум браться. А как ты?

Она по привычке брякнула «нормально», хотя и не поняла вопроса. Да и что в ее жизни нормального, кроме нового ощущения себя привлекательной, с которым расстаешься, переодевшись в домашние шмотки и стерев лак с ногтей?

— «Нормально» — это на троечку. Может, встретимся и расскажешь подробнее?

Не хотелось язвить по поводу взаимного потребления, корысти и прочего. Потребителем стала она — не мизантроп и не социопат, а просто не с кем и некуда пойти.

— Только не в кафе.

— А где?

— На крыше.

Он помолчал полминуты, а потом спросил, на какой.

— На моей. Давно там не была. Оттуда ты точно не убежишь!

— Уже темнеет и холодно, что там делать?

— Дышать! Оденься потеплее — и вперед.

Она живет за городом, поэтому ему представилась возможность отдохнуть от шума и суеты, послушать тишину, которая, казалось, навек исчезла из его жизни. Снизу доносились вопли ребятишек, лай собак, изредка проезжала машина, но зато отчетливо слышны шаги прохожих, голоса и даже слова.

Она сидела на краю, свесив ноги в пугающую пустоту. Он уговаривал, чтобы она так не делала, но она только смеялась. Ветер грозился вот-вот сдуть с крыши. Теплый свитер и кожаная куртка не спасали. На западе догорало холодное осеннее солнце, золотя металл на крышах соседних домов.

Он сел рядом с ней и, подумав несколько секунд, тоже свесил ноги за край.

— Ты не боишься высоты? — спросила она.

— Не знаю, — улыбнулся он, — пока сижу, вроде нормально: суицидальных мыслей не возникло и голова не кружится.

— Знаешь, я скучаю по своим впечатлениям от первой вылазки сюда, — она взглянула на заходящее солнце.

— Расскажи.

— Мне было шестнадцать. Начало июня, занятия в школе закончились, экзаменов не предвиделось. Мы с подругой выбрались сюда около шести вечера. В сердце отгорела старая любовь, а новая еще не нагрянула, поэтому было легко и спокойно, только в голове куча философий. И вот, открыли мы этот скрипучий люк, и свет, заливший чердак, показался мне таким ярким, словно рвал тьму в клочья. Ну, подпрыгнули, подтянулись и вот перед нами это ровное открытое пространство, где нет стен, хотя все еще дом. И ветер! с запахом лета и полной приключений жизни, которую я тогда любила и ждала чего-то хорошего... Этот ветер, пьянящий, как молодость, ерошил волосы, смеялся вместе с нами, подслушивал наши мысли, танцевал. И мы неустанно восхищались небом. Таким оно было ярко-синим, близким — рукой достать и почувствовать прохладу. В нем какое-то обещание... или обещание чего-то. Ни фиги мы тогда не понимали, чего. В сердцах что-то было, наверное, а не в ветре, да и крыша тут не при чем.

Он слушал ее, закрыв глаза, то ли вспоминая свои шестнадцать лет, то ли рисуя в воображении картину того летнего дня, пытаясь представить все как можно ярче.

— Как ты выглядела тогда? — спросил он.

— Почти как сейчас, — улыбнулась она, — только в клетчатой рубашке, серых штанах с карманами и в белых кроссовках. Волосы были короче. И лицо наивнее. Сразу не поймешь, пацан или девчонка. А у тебя такие воспоминания есть? Я имею в виду такие, о стирании которых сожалеешь. Они ведь неизбежно стираются.

— Есть, конечно. Жалко, что чувствовать стал не так остро и видеть все не так ярко, даже в прямом смысле. То каждый нерв реагировал на какое-то ощущение, впитывал жизнь каждой клеточкой, а сейчас — как через вату. Живешь и ладно, случилось что — так и должно быть. Ничего больше.

Ему вспомнилась девушка, в которую он был некогда влюблен. Сейчас он понял, что влюблен был в свой идеал, который удачно наложился на существующий образ. Он не видел ее года два или три. Стал забывать ее голос, походку, смех, запах, жесты — все, от чего раньше сходил с ума. Как ему нравилось снова и снова представлять себе ее хрупкую высокую фигуру, кудрявые темные волосы и бледное лицо, особенно когда она улыбалась. Вспоминать ее немного театральную манеру говорить, играя интонацией на всех ладах, картинно жестикулируя. Он ненавидел театральность, но почему-то в этой девушке она казалась ему естественной. Как ему нравились черты ее лица — высокий лоб, тонкий прямой нос, задумчивые светлые глаза! И как удивило его, что он давно не вспоминал ее и не хотел этого. Память услужливо забросала воспоминания какой-то мишурой, чем-то суетным и пустым. Ну и что с того, что у нее теперь семья и что она вообще никогда его не любила? Что с того, что он видел ее раз двадцать в своей жизни, хотя знакомы они очень долго, но почти не представилось случая

пообщаться? Что с того, что и он жажду любви выдал за любовь, а точнее за влюбленность? Разочарование причинило ему боль. Он тогда не осознал, что как человек она его изначально не привлекала — он не влюбился бы в надменную выскочку, какой она оказалась, хотя это обусловлено трудным детством и «защитной маской». Его тошнило от этих масок, поэтому он всерьез надеялся сорвать ее своей любовью, увидеть ее настоящее лицо, которое, разумеется, должно быть прекрасным... но получилось так, что он еще больше испортил ее. Не сбил спесь, а уверил ее в собственной исключительности. После утраты иллюзий ему стало по-настоящему больно. Больно видеть, как она обходилась с друзьями, доводила до слез родных и считала, что ей все что-то должны. Конечно, она талантлива, но не больше, чем другие молодые люди, пишущие стихи, сочиняющие рассказы и пьесы, играющие на пианино или еще на чем-то... В глубине души она так и осталась затравленным зверьком, сколько бы пыли в глаза ни пускала.

Влюбленность многому научила его, но некоторые уроки ему совсем не нравились. Например, она научила ждать от людей плохого и ничему не удивляться. Научила его — и так-то скрытного и недоверчивого — замыкаться еще больше и никому не доверять. Научила не обращать внимания на первое впечатление и на слова, которые часто оказывались пустой болтовней. Хотя, было и много хорошего — сами страдания влюбленной души он охотно пережил бы снова. Вряд ли в дальнейшем испытает нечто подобное.

— Не знаю, стоит ли тебе говорить... — начал он.

— Вот так всегда: сначала говорят, потом думают. Если эту фразу произнес, значит, точно *будешь* говорить!

Постулат его развеселил, но только потому, что не лишен справедливости.

— Я стал забывать человека, которого забывать не хотелось. Точнее, сам образ и те чувства, которые этот образ во мне будил. Как муть со дна, понимаешь? Увидел — бац, чувства как нахлынут!

— Твоя любовь?

— Влюбленность. Только память служить отказывается. Видимо, правду говорят — с глаз долой, из сердца вон.

— Значит, точно влюбленность, — кивнула она.

Он видел ее родителей мельком. Они произвели хорошее впечатление: знакомиться не лезли, общество свое не навязывали, улыбались приветливо. Чай она принесла в свою комнату на подносе. Он слышал шум в квартире, но она включила музыку, закрыла дверь, и больше ничего не достигло его чуткого слуха. Дисков и книг в ее комнате столько, что изучать можно неделю. На спинке дивана ремаркосвая «Триумфальная арка», с закладкой на середине. На него Ремарк всегда действовал угнетающе, особенно с описаниями концлагерей, туберкулезом и метаний потерянного поколения. На полу у письменного стола он заметил большую раскрытую папку с нотами и рисунками. Если не считать этого, в комнате идеальный порядок, а *этого* он не считал: все важное должно быть под рукой.

Пока пили чай, говорили о Ремарке, о Миллере, о Милен Фармер и о Чакке Бэрри. Здесь так уютно и хорошо, что не хотелось уходить. И она так не похожа на девушку, в которую он позволил себе влюбиться! Ее честное и напористое занудство не имело ничего общего с театральным сарказмом и самоутверждением за чужой счет, ее голос тверд, и говорит она немного резко, но ему даже нравилось — никаких музыкальных вычурностей. Жестикулирует еще реже, чем повышает голос. Только внешность — стройная, высокая, кудрявая — воскрешала тот призрак памяти.

— Можно задать тебе очередной глупый вопрос? — спросил он.

Она разрешила.

— Представь, что тебе один человек в любви признался, а ты взаимности не чувствуешь. Что будешь делать, если знаешь, что ему твой ответ — любой! — нужен как воздух?

— Отвечу, конечно! — выпалила она. — И честно. Постараюсь помягче, но молчать ни к чему. Именно в таких случаях молчание преступно. Она молчала?

Он кивнул.

— Наверное, хотела меня окончательно добить. Или выжидала. Или нравилось ей, что я как собачонка на привязи — если что, всегда можно поводок натянуть. Если все-таки останется одна...

— Ты до сих пор страдаешь из-за нее? — в ее голосе появилось столько мягкости и сочувствия, сколько он не ожидал даже от своей вечно всех жалеющей тети.

— Нет, теперь меня это просто злит. Она все-таки повела себя по-свински, а я ей прощал все и даже оправдывал ее. Никогда не мог на нее разозлиться. А надо бы раньше понять, что нечего ждать добра от человека, который к тебе так относится. Извини, что загрузил воспоминаниями, — промолвил он, — не получается бескорыстного общения.

Глава 8

Он не просил помочь ему в поисках работы — она сама решила, что ее инициатива не будет наказуемой. Отец ее подруги по вузу — владелец туристического бюро. Пусть одного из многочисленных в городе, но, пожалуй, люди со знанием иностранных языков там всегда пригодятся. Однако стоило завести об этом разговор с Олесей, ту больше заинтересовало «что за молодой человек».

— Хороший знакомый. Решил оставить сферу письменного перевода, зрение садится.

Леся кивнула. И завела про то, что в жизни бывают разные ситуации — вдруг она попросит отца, а твой друг где-то облажается или не приживется, и у нас с тобой отношения испортятся. Ты же понимаешь...

— Понимаю.

Единственное, чего она никак понять не могла — как у Леськи так получается? Аргументировано, логично, не подкопаешься? Бояться какого-то завтра, отказывая другу в помощи сейчас? И выглядит все очень благородно и убедительно.

Она еле досидела до конца занятий, выслушивая Олесиные прожекты, как ей следует устроить жизнь отдельно от родителей, раз уж так с ними неважко. Ты же взрослый самостоятельный человек, найди себе нормальную работу — почти все на последних курсах института чем-то заняты. Можно снять квартиру с соседкой. А то радио какое-то, идея! Забавно слышать это от человека, которому не приходится стучать пальцем о палец, чтобы его мирок не пошел трещинами.

Октябрь в этом году чудесный: теплый и солнечный. После Покрова температура вдруг поднялась до пятнадцати градусов днем, да так и держится. Почти облетели золотые листья, но никакой сырости и грязи. Она купила пакетик чипсов и банку джин-тоники и устроилась в одном из дворов. Позвонила ему после шести вечера сказать, что на радио увлеченных не убавится и новый персонал пока не нужен — старому платить нечем. Но если кто-то решит увольняться, возможно... Он признался, что и не надеялся на положительный ответ.

Есть люди, которые очаровывают с первой минуты, а потом оказывается, ничего особенного в них нет. Иные раскрываются, как хорошая книга, в которую надо вчитываться, чтобы потом уже никогда не забыть. Или как хорошая музыка, красота которой доходит не сразу — ни до слуха, ни до сердца.

Конечно, гламурной кукле такой парень вряд ли понравится — худой, длинноволосый, загруженный. Но более разборчивым девушкам он не может не приглянуться: оригинальный, начитанный, да еще «с загадкой в глазах». Интересные чувства. И ему почему-то никак не удавалось ее разочаровать. Обычно это происходит довольно быстро. Она раздражительна и во многих вопросах нетерпима, люди ей быстро надоедают. Но он почему-то не надоедал, хотя общались они почти каждый день. Она пыталась объяснить это новизной, впечатлениями, переменами, произошедшими в ее жизни с его появлением. Так уж она устроена, что пыталась всегда все объяснить, а когда с точки зрения логики объяснить не получалось, она начинала нервничать. Позже, устав волноваться из-за пустяков, она успокаивалась и начинала жить. Как сейчас, например — не стала звать его развеять тоску, хотя наверное, он был бы рад составить ей компанию. Тоска эта к нему не имела никакого отношения, не хотелось очернять его вечной тенью за собственной спиной.

После рабочего дня он лежал на диване, закрыв глаза. Опять плыли красные круги, опять шумело в голове, но это бывало и раньше, а теперь появилась боль. Точнее резь. Она утихала только тогда, когда глаза закрыты. А когда они закрыты, он засыпал.

Когда проснулся, было около девяти вечера. Наверное, даже хорошо, что они сегодня не встретились, хотя он собирался пригласить ее куда-нибудь и поначалу очень расстроился, вернувшись домой обессиленным. Но с другой стороны, он не хотел приедаться, поэтому решил, что все сложилось как надо. Да и сам побаивался, что она ему надоест — такой страх появляется, когда слишком долго один.

Наверное, он погорячился, написав заявление, не подыскав ничего на замену. Хотя больные глаза говорили обратное. На худой конец займет у родителей, не дадут же они сыну умереть с голоду. Даже если месяц поживет у них — сосед не съедет, квартира не уплывет. Он хороший парень, но они толком не общались — жили в противофазах. Тот работал на патронном заводе, и, чтобы свести концы с концами, брал сверхурочку.

И все же пригласить ее сюда он не решался.

Глава 9

В пятницу вечером она позвала его в студию. Сидеть в кафе и в парке опостылело, да и погода испортилась. Тут же можно послушать музыку, поболтать — никто не мешает. Сегодня его последний рабочий день, за прошедшую неделю он прилежно читал «мою рекламу» и все Интернет-издания с объявлениями о работе, нашел около трех устроивших его, но пока никуда не звонил.

Завтра утром он пойдет к окулисту, а потом навестит родителей. Он предложил ей поехать с ним, но она отказалась. В качестве кого он ее представит? Они пока не больше, чем друзья, торопиться не за чем. Родители — люди другого времени и других воззрений. Она помнила историю своей бабушки, которая жила и работала в Ленинграде, но по праздникам навещала родных в деревне. И вот ее тогдашний ухажер, впоследствии ставший мужем, приехал в деревню с подарками, гостинцами. Казалось бы, праздник провести, но бабушкины родители подумали, жених явился. И пришлось бабушке выйти замуж за дедушку, хоть она и не собиралась, но... что же вся деревня подумает!

Они пришли в студию вместе. Сережа, как всегда, еще сидел за пультом, договаривал последние слова в микрофон, а потом, перепоручив рабочее место ей и пожав руку ему, ретировался.

Он купил вкусностей и бутылку вина — отметить первый вечер свободы.

— Только после эфира! — сказала она. — Не хочу, чтобы у меня заплетался язык, когда буду объявлять очередную песню.

— Ты же сказала, что тебе почти не надо ничего объявлять... — опешил он.

— *Почти* не надо, но *иногда* приходится, — ответила она, — не волнуйся, это не часто и не долго.

Загрузив балладный диск, она стала заваривать чай, а он — резать торт.

— Здорово здесь, — оглядел он студию, — уютно и безлюдно. Вот бы мне такое место работы!

— Да, мне здесь тоже нравится. А по вечерам и музыка воспринимается как-то иначе — чище и острее что ли...

— Да и не только музыка, вообще все. Наверное, я еще не скоро оживу после своей пыльной каморки и заваленного бумагами стола. А, еще комп — отдельная песня!

— Ветеран? — улыбнулась она.

— Инвалид. Ну и коллектив не более здоровый.

Впрочем, эти две недели были сказочными, особенно если сравнить с последними двумя годами жизни.

— У тебя тоже два года? Не слишком ли много совпадений?

Удивление в ее голосе позабавило его. Он бы рад чему-нибудь удивиться. Как мальчишка или даже как несмышленное дитя, которому скажи, что пицца на дереве растет — он и поверит. Она рассмеялась, представив пиццу на дереве.

— А что, здорово! Только она была бы все время холодной...

— Почему? Может, дерево с подогревом, я же об этом не упомянул...

Она попыталась представить такое дерево, и по средствам чего оно подогревается, а он упрекнул ее в занудстве, материализме и в желании все опошлить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.